

Агрессор

Наталья Соболевская

Наталья Соболевская

Агрессор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69965491

SelfPub; 2023

Аннотация

Я любила Глеба, как любят лишь раз, но он обокрал фирму моего отца и с деньгами бесследно исчез. В эту версию событий я верила шесть лет, пока Глеб не рассказал мне иную, по которой его подставили, оболгали, лишили свободы, и теперь он вернулся, чтобы мстить. Бизнес отца он уже растоптал, и сейчас у него на очереди моя жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7	84
Глава 8	97
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Наталья Соболевская

Агрессор

Глава 1

Как и было назначено, мы все собрались в кабинете отца ровно в час, но папа не торопился начинать семейный совет. Судя по его многочисленным тяжёлым вздохам и тому, что в комнате пахло валокордином, он банально настраивался, подозреваю, чтобы сообщить нам не самую приятную новость.

– Знаешь в чём дело? – поёрзав на диване и ближе пододвинувшись, шепнула мне на ухо мачеха.

– Понятия не имею, – пожала плечами я и искренне улыбнулась Софии. Да, она моя мачеха, и разница у нас с ней всего тринадцать лет, но мы вопреки стереотипам имеем прекрасные отношения.

Мне было всего девять лет, когда папа женился во второй раз, я, разумеется, зная историю Золушки от корки до корки и с подачи школьных подруг, имеющих соответствующий опыт, приняла чужую женщину в доме в штыки. София же на тот момент двадцатидвухлетняя девушка проявила недюжинную житейскую мудрость, она просто игнорировала все мои нападки в её адрес, не раздражалась, была приветлива и ненавязчиво заботилась обо мне.

Сейчас трудно сказать, сколько мне понадобилась времени, чтобы всем сердцем к ней привязаться, но в памяти хранится яркий момент, как я проснулась среди ночи, подбежала к окну, локти положила на подоконник, ладони соединила вместе и, глядя на небо, поблагодарила свою родную маму за то, что она уговорила ангелов поженить Софию и папу.

– Как новый репетитор, подтянул хоть чуть-чуть Олю по алгебре? – полюбопытствовала я про учёбу сестры.

София покосилась на дочь и отрицательно мотнула головой.

– За четверть опять одни тройки. По алгебре стояла бы два, но я у учителя всё-таки выклянчила три. Что делать, ума не приложу.

– Просто расслабься, – подала голос сестра, а мне казалось, она настолько поглощена телефоном, что нас даже не слышит. – Алгебраиня – старая и страшная маразматичка, новый репетитор – прыщавый дрыщ, лицей – полный отстой. Что ко мне все пристают с этой учёбой? Мама, Лиза, вы же ведь нормальные и понимаете, что ни одна из этих тупых формул никогда в жизни мне не пригодится.

– Ну хоть нас с тобой в нормальные определили, и то хлеб, – София мне совсем невесело подмигнула и устало посмотрела на дочь. – Оля, пригодятся или нет, мозг в любом случае надо развивать и тренировать. И у нас с Лизой у обеих имеется высшее образование, а с твоими успехами вуз тебе вообще не грозит.

– София, Лиза, Оленька, – наконец-то созрел отец, и мы мигом свернули полемику. – Я долго оттягивал этот разговор, всё надеялся, что ситуация выпрямится, но нет. Мне трудно об этом говорить, я перед вами очень виноват, но моя, то есть наша фирма – банкрот. Для нас теперь настали новые времена и, увы, не самые лучшие.

– Андрей, а ты случаем не сгущаешь краски? Сейчас у всех проблемы в делах. Может, ещё всё наладится? – первой отреагировала София. – Если очень надо, мы с девочками готовы ужаться в расходах. Да? – ища поддержку, мачеха сначала посмотрела на меня, после на дочь.

– Нет, ну я готова ужаться, но мне же всё равно на день рождения, как и обещали, купят машину?! – встрепенулась сестра и с претензией уставилась на папу.

Отец помрачнел.

– Оля, угомонись ты уже со своей машиной, – прикрикнула я на сестру. – Условие сначала выполни, начни учиться нормально, потом уже требуй. Пап, насколько всё серьёзно?

– Настолько, что я выставляю дом на продажу, завтра придет риелтор. Оля, мне жаль, но автомобиль у тебя появится лишь тогда, когда ты сама на него заработаешь. И вот ещё что, раньше я тебя не трогал, потому что знал, и на ноги поставлю, и в жизни хорошо устрою. Теперь же имей в виду, не будешь учиться, через год пойдёшь работать, дворником в свой же лицей. С директором, так уж и быть, договорюсь, примет. А теперь, девочки, извините, мне надо побыть од-

ному, – отец поднялся с кресла, подошёл к бару, взял за горлышко бутылку коньяка, а прежде чем открыть дверь и выйти, попросил. – Пожалуйста, не трогайте меня до завтрашнего дня.

– Фирма банкрот, дом на продажу – скорее для самой себя, чем для кого-либо сестрёнка пробормотала слова отца, а осознав их смысл, раздражённо швырнула телефон в другой конец дивана. – Хринасе, нормальная такая подножка от жизни. Батя походу сопьётся, мы нищebroды, и жить скоро будет негде. Родственники, – Оля впиалась в нас с Софией упрёкающим взглядом. – Вы же от меня, как от малолетки, постоянно всё скрывали, на кой сейчас эту дрянь вывалили?!

– Оля, иди к себе и в лицей собирайся, я тебя сегодня сама отвезу, – одно из главных достоинств мачехи, в любых ситуациях держать себя в руках, вот и сейчас в ответ на несправедливые упрёки дочери она отреагировала мягким, спокойным голосом.

– Ага, уже бегу, волосы назад. У меня стресс, в жопу лицей!

Оля рванула к двери, в прямом смысле с ноги её открыла, а прежде чем подняться наверх, совсем не по-девичьи послала нас с Софией в гораздо более неприятное и далёкое место, чем свой лицей.

– Это такой возраст, – то ли меня, но, скорее всего, себя успокоила мачеха и на её красивом лице появилась просительное выражение. – Лиза, переночуешь сегодня у нас? Ан-

дрей пошёл горе топить, у Оли и без плохих новостей как у любого подростка гормоны бушуют, а сейчас, боюсь, вообще озвереют. Я с ними одна тут не справлюсь.

– Без проблем, – сразу же согласилась я. – Тем более всё равно одна дома, Никита опять в командировке, вернётся только через два дня, так что если надо и завтра могу остаться.

Мачеха дотронулась до моей руки и в знак благодарности её сжала.

– Лиза, а я могу тебе дать совет насчёт Никиты?

Кивнула.

– Ты больше вашу свадьбу не откладывай, даже если предложат очень перспективный проект или роль. Вы же сейчас планируете пожениться в конце сентября, вот пусть так и будет. И ещё, ты пока Никите не говори, что отец прогорел. Совсем, конечно, отмалчиваться на эту тему тоже нельзя, но ты так осторожненько и размыто просто упомяни, что, мол, сама точно не знаешь, но у папы какие-то там небольшие проблемы.

– То есть, по сути, ты предлагаешь Никите соврать? – на тот случай, если неправильно поняла мачеху, уточнила я.

– Нет, сказать не всю правду.

– А можно поинтересоваться, а зачем мне так поступать?

Мачеха вздохнула и опустила взгляд в пол.

– Затем, что ещё вчера это Никита выгодно женился, а теперь вы поменялись местами.

– А-а-а, вот оно в чём дело, – рассмеялась я. – София, не переживай, Никите плевать, есть у меня приданое или нет, он меня любит.

– Лизонька, а я и не спорю, – мачеха, как это часто делала в детстве, чуть взбила мне волосы, чтобы казались пышней. – Разумеется, любит, ты же умница и красавица, да ещё и знаменитость. Но советом всё равно непременно воспользуйся, а если получится, то и пододвинь день свадьбы на более раннюю дату.

– София, ты же знаешь, я в такие игры не ....

Женщина, прислонив к моим губам палец, не дала договорить.

– Я вижу по глазам и чувствую по тону, ты меня осуждаешь и считаешь, что предлагаю что-то коварное и нечестное. Ты мой ребёнок, я тебе желаю только добра. Так что не спорь, не озадачивайся моральной дилеммой, а сделай, как говорю.

– Хорошо, – кивнула только ради того, чтобы София не переживала, но при первой же встрече или телефонном звонке расскажу Никите всё как есть. Потому как в чувствах жениха ни капли не сомневаюсь, ну а если вдруг ошибаюсь, и деньги отца для Никиты имеют значение, то об этом лучше узнать до свадьбы, чтобы после не пришлось разводиться.

День в родном доме прошёл странно и одиноко. Обычно, когда приезжаю, мы все собираемся в гостиной на долгие и шумные семейные посиделки, тут же каждый отсиживался у

себя в спальне, а отец и вовсе убрёл в гостевой домик, заперся там, и даже когда принесла ему ужин, не открыл, заявив заплетающимся языком, что у него нет аппетита. Сестра тоже есть отказалась, когда мы с Софией к ней в комнату постучали, эта паршивка опять нас обругала и дабы не слушать через дверь нравоучения, врубила на полную громкость музыку.

Уже перед сном, чтобы хоть чем-то заняться, решила забрать из дома, раз уж он продаётся, милые сердцу вещицы. Три сумки приготовила, но хватило и одной, оказалось, что из прошлого в будущую жизнь мне хочется не так много и взять, альбомы с фотографиями, плюшевого медведя Борьку с оторванным ухом и небольшую стопку книг, чьи страницы я навряд ли стану читать до рождения собственных детей.

Утром, спустившись на первый этаж к завтраку, так уж получилось, что из коридора услышала, как София и отец спорят в столовой, причём речь шла обо мне, мачеха убеждала папу о чём-то мне рассказать, а он упирался.

– Предупреждён, значит, вооружён, – входя в столовую, повторила я последнюю фразу Софии, чтобы родители поняли, я их слышала, и теперь они будут вынуждены мне всё рассказать. – Я вас не специально подслушивала, вы слишком громко говорили, и, разумеется, жду объяснений.

– Их не будет, – отрезал отец, его пунцовый цвет лица буквально вопил, впрочем, как и полопавшиеся капилляры на белках глаз, что вчера он одной бутылкой коньяка не огра-

ничился, и теперь у него глубочайшее похмелье со всеми вытекающими последствиями, сухость во рту, дикая головная боль и самое главное – донельзя паршивое настроение.

– Андрей, а если Лиза его случайно встретит, – подала голос мачеха. – Или, что, на мой взгляд, более вероятно, неслучайно?! Что тогда?

– Лиза – моя дочь, и мне решать, что ей нужно знать, а что нет, – рявкнул отец и несдержанно бросил из рук приборы на стол.

– Вот значит, как ты заговорил, твоя дочь?! – у Софии от обиды затряслись губы. – Пусть я её не рожала, но она такая же моя, как и твоя. Если ещё не больше. Понятно! Лиза, – решительно обратилась ко мне мачеха и даже встала со стула, – Громов Глеб в городе, лично я считаю, ты должна это знать.

Шесть лет назад, когда любимый человек самым бессовестным и постыдным способом меня предал, на сердце, словно калёным железом выжглась надпись «Громов Глеб». Надеюсь, что эта рана если не зажила, то хотя бы успела зарубцеваться, но от одного упоминания имени, меня сначала бросила в жар, потом обдало ледяным холодом, а внутренности, как будто чья-то мощная безжалостная лапа начала когтями драть, превращая в лохмотья. Так что нет, рана до сих пор в полную силу кровоточит.

Повстречав Громова, я потеряла себя. Стоило на него только взглянуть, как он за мгновение затмил всех, и стал

для меня самым важным человеком во всей вселенной. Любила так, как любят в жизни лишь один единственный раз. Мой первый мужчина, моё первое разочарование, моя великая боль, которая до конца дней искалечила душу.

– Если Громов нашёлся, – хриплым бесцветным голосом начала я, – почему вы боитесь, что я с ним столкнусь? Он же нас обокрал, сумма ущерба значительная, специально смотрела, для таких преступлений срок давности аж десять лет, вы уже позвонили в полицию, сообщили о местонахождении вора в бегах?

Отец затрясся от нервного хохота, а когда просмеялся, ткнув в меня пальцем, вгрызся в жену яростным взглядом.

– Вот, пожалуйста, дочь задала тебе закономерный вопрос. Как будешь отвечать?! М? Давай, теперь рассказывай, почему же мы в полицию не побежали звонить.

Мачеха, опустив голову, молчит, а папа безотрывно прожигает её злыми глазами.

– Говори, раз начала, – рывкнул отец и обоими кулаками со всей силы ударил по столу.

Мы с Софией вздрогнули, а вся посуда дружно подпрыгнула, фарфоровый молочник завалился набок, и его содержимое пролилось на скатерть, чашка мачехи, что стояла на самом краю, звонко грохнулась на пол и разлетелась.

– Помнится, как один человек утверждал, что мужчина не имеет право на женщину не только поднимать руку, но и повышать голос, – сказала я и с укоризной посмотрела на

папу. – Мне, кажется, этим человеком был ты, и до этого момента, следовал своему правилу. А ещё до сегодняшнего дня, мне ни разу не было за себя стыдно.

– Извини, дочка, – воинственный настрой папы лопнул как мыльный пузырь. – И ты, ради бога, Софа, прости. Это всё нервы.

– Нервы и плюс побочный эффект, когда стресс коньяком лечишь, утренний похмельный мандраж называется, – не удержалась и съязвила я.

– Андрей, не надо, потом, – отец наклонился, чтобы поднять с пола осколки чашки, но мачеха его остановила. – Лиза, присядь, пожалуйста, и прошу, выслушай нас до конца.

– Только давайте без долгих предисловий, сразу к делу. А то я себе уже такое напридумывала, – обтерев влажные ладошки об джинсы, выполнила просьбу Софии и заняла стул.

– Шесть лет назад мы тебя обманули, – первым почему-то начал отец. – Это было не простым решением, но на тот момент единственно верным.

– Глеб не обкрадывал фирму?! – предположение не просто так слетело у меня с языка, после исчезновения Громова именно об этом я днями и ночами, заливая подушку слезами, молила всевышнего.

– Нет, – София качнула головой. – Он мошенник и вор. Тут дело в другом, после того как обнаружили хищения со счетов фирмы, и Громову предъявили обвинения, мы тебе сказали, что он сбежал, но это не так. Глеб нанял адвоката

и изо всех сил боролся, чтобы доказать свою невиновность. Разумеется, он проиграл. В прокуратуре всё-таки не идиоты работают. Факты – упрямая вещь, ему дали срок, восемь лет. Андрей, сколько он в действительности отсидел?

– Три года, – отозвался отец. – Что касается финансов, Глеб гений, грамотно по всему миру деньги гонял, и впоследствии их след потерялся. Так что у него было чем заплатить за условно-досрочное.

– Лизонька, ты как? – взволновано, поинтересовалась ма- чеха. – Может воды дать, ты так побледнела?

Подняла взгляд на Софию, но её лица почему-то практически не вижу, всё размыто, как будто только что вынырнула из-под воды.

– Дай мне лучше тяжёлым по голове, если это сон – проснись.

– Лиза, ну не реагируй ты так.

Шесть лет назад именно бегство Глеба ударило по мне больше всего, и это же послужило главным доказательством его вины, а теперь выясняется, что никуда он не исчезал, отрицал обвинения, боролся...

Если мне сказали, что Громов, прихватив деньги, скрылся из страны, как ему объяснили, что я не прихожу? Ведь у него наверняка возникал этот вопрос.

– Папа, а когда шло следствие или на суде, ты с Глебом встречался?

– Да, пару раз.

– Он спрашивал обо мне?

– Лиза, ты ни туда ведёшь разговор.

– Спрашивал или нет?!

– Спрашивал, – вместо отца, ответила София. – Требовал с тобой свидания, очень настойчиво. Как нам объяснил обвинитель, чтобы использовать тебя как рычаг давления. Поэтому мы по совету адвоката, передали ему от твоего имени письмо, где ....

– Что мать твою вы сделали?! – схватившись за голову, во всё горло взвыла я. – Что вы там написали?!

– То, что ты и должна была ему сказать, если бы оценивала ситуацию никак по уши влюблённая девятнадцатилетняя девчонка, а взрослый трезвомыслящий человек, – процедил сквозь зубы родитель.

– Конкретно текст?! – прошипела я и уставилась на Софию, от неё в отличие от отца можно рассчитывать на откровенность и правду.

– Записку я своей рукой составляла, чтобы подчерк был женским, но времени прошло немало, поэтому не гарантирую, что повторю слово в слово, но смысл передам. Написала, что ты в Глебе разочарована, что он непорядочный человек, что ваши отношения были фатальной ошибкой, и ты о них горько сожалеешь. Также настаивала, чтобы он никогда не искал встреч и никаким способом не пытался с тобой связаться, а ещё, если в нём осталась хоть капля совести, чтобы признал вину и вернул деньги.

София говорила, а у меня перед глазами стояла картина, как Громов в окружении обшарпанных стен камеры, сидя на панцирной койке, разворачивает злосчастную бумагу, читает строки якобы от меня, бледнеет, хмурится, нервно трёт лоб, вгрызается взглядом в каждую ядовитую букву, а затем сминает листок и отшвыривает в угол эту мерзость.

– Вы когда это делали, вообще в себе были?! – протест внутри меня разрастался со скоростью лесного пожара, от бессилия, что уже ничего не поправить и не изменить, хотелось крушить и уничтожать всё вокруг, перевернуть стол, содрать шторы, вдребезги расколотить посуду, а ещё в буквальном смысле вбить родителям в головы, что ни у кого нет права говорить от имени другого человека. – Представьте. Только на одну секунду. Что Глеб был не виновен и получил это письмо!

– Лиза, если уже забыла, напомню, проводили расследование, состоялся суд, был вердикт, по которому Громову дали срок. Так что ни о какой невинности и речи быть не может, – рыкнул отец.

– Да ну! – подскочив на ноги, в ответ крикнула я. – А у нас, конечно, ни одного невинного за решёткой-то нет. Откуда такая слепая вера в судебную систему?

– Вот тебе, София, и доказательство, что мы тогда умно поступили, – папа переключил внимание на жену. – А ты сомневалась. Посмотри на неё, – родитель кивнул в мою сторону. – Она и сейчас за него грудью стоит. А тогда и подав-

но кинулась бы на защиту, ночевала бы возле следственно-го изолятора, на суде давала показания в пользу Громова, не исключено, что нас шантажом вынудила забрать заявление. Угрожала, что из дома уйдёт или ещё хлеще вены перережет, а, может, и о беременности кричала.

– Вообще-то, она здесь, – язвительно напомнила я.

– Вообще-то, за шесть лет можно было повзрослеть и избавиться от детской влюблённости. Лиза, он и ногтя твоего не стоит, манипулятор, аферист, вор, втёрся в доверие и обокрал, а ты тогда всё в трагедию превратила, месяц ведь с кровати не вставала, Софа на цыпочках возле тебя скакала из ложечки кормила, и сейчас всё повторяется. Ещё скажи, что встретиться с ним хочешь.

– Хочу, – честно призналась я. – И встречусь.

– Только попробуй, – прошипел отец и крепко сжал кулаки, словно в случае неповиновения готов ударить.

– Да, прекратите же вы, – почувствовав, что обстановка накалена до предела, вмешалась мачеха. – Близкие люди в тяжёлые времена должны друг друга поддерживать, а вы грызётесь. Андрей, вместо того, чтобы запрещать Лизе, объясни, почему этого не стоит делать. Расскажи, кто подвёл твою фирму к банкротству, и что Громов обещал сотворить с нашей семьёй.

Дорогие Мои, близится самая волшебная полночь в году, желаю Вам бескрайний океан любви, море удачи, вдохновения, только позитивных и радостных дней, пусть в следую-

щем году исполнятся все желания. Крепко обнимаю и горячо целую Наташа

Глава 2

– Елизавета, вы крайне редко соглашаетесь дать интервью, для актрисы это весьма необычно. Какова причина?

С разных ракурсов меня снимает несколько камер, в студии тишина, и хоть журналистка, ожидая ответ, старательно удерживает на лице маску доброжелательности, я отчётливо чувствую, как растёт её раздражение. И не без повода. На встречу я приехала с опозданием и откровенно не подготовленной. Это интервью организовал телеканал, как дополнительную рекламу перед премьерой сериала, в котором я сыграла главную роль. Поэтому у беседы есть чёткий сценарий, заранее расписано буквально всё: реплики, шутки, реакция, эмоции...

Всё, что от меня требовалось, будучи в форме прийти в студию, в эффектной позе присесть на диван и со щенячьим восторгом строго по тексту рассказать, что в более интересном и масштабном проекте я ещё никогда не участвовала.

По сложившейся привычке и потому что мне так лучше запоминается, текст на завтрашний день, учу накануне вечером перед сном. Вчера же лёжа в кровати и глядя в сценарий видела... да ни черта я не видела.

Ведь я даже не пыталась читать, а просто тарасила на буквы, отчего они расплывались и превращались в чёрные полосы разной длины, а виной тому, что после разговора с

мачехой и отцом, все мои мысли полностью поглощены Гро-
мовым. Папа сказал, что судья ему дал восемь лет, но Глеб
отсидел только три, где он был и чем занимался после осво-
бождения и до сего момента – окутано тайной. Также непон-
ятно когда конкретно он вернулся, отец только предпола-
гает, что полгода назад, ведь именно тогда его бизнес попал
под обстрел.

Из фактов только то, что Глеб точит зуб на нашу семью и
имеет цель отомстить. И нам есть чего опасаться, папа осно-
вал фирму несколько десятилетий назад, и всё это время она
процветала, даже в кризисы крепко стояла на ногах, а Гро-
мову понадобилось всего полгода, чтобы полностью её разо-
рить. То есть он теперь не только весьма состоятельный че-
ловек, но и наделённый огромной властью.

– Елизавета, вам нужен перерыв? – бросила ведущая,
больше не утруждая себя держать на лице приветливую
улыбку.

– Простите. Нет, давайте продолжим, – расправила я пле-
чи и попыталась сосредоточиться, а после паузы, чтобы этот
момент было проще вырезать, начала. – Всё очень просто,
даю интервью, только если мне есть чем поделиться, – про-
изнесла и на этом умолкла: журналистка недовольно скри-
вилась, из чего вытекал вывод, в текст я не попала. – Мне
всё-таки нужен перерыв, – сгорая от стыда, призналась я и
хоть ранее отказалась, попросила. – И включите суфлёр, по-
жалуйста.

– Перерыв пятнадцать минут, – крикнул кто-то из съёмочной группы, все мгновенно оживились, и поднялся гул.

Не теряя времени, достала из сумки сценарий, нашла укромный уголок и судорожно повторяю текст, о том, что подвела уйму человек, стараюсь не думать, позже себя погрызу, в более подходящем месте.

– Съёмку перенесли на завтрашний день, – бесцветным голосом сказал подошедший ко мне молодой человек. – О новом времени вам сообщат позже.

Прикрыла глаза и тихо шёпотом матерюсь.

М-да, за то, что сорвала интервью, меня по голове не погладят. Но взбучку, тем более заслуженную, ничего, как-нибудь переживу. Главное, чтобы не решили, что звёздную болезнь подхватила.

Пока шла до парковки, придумала для продюсеров более-менее вразумительное объяснение, почему сорвалось интервью, а ещё клятвенно себе пообещала, что первый и последний раз в жизни повела себя не как профессионал.

Только забралась в салон автомобиля и завела двигатель, как по громкой связи раздалась телефонная трель.

– Да? – не глянув на панель и не посмотрев, кто звонит, приняла вызов.

– Оу, кто-то не в духе или просто из образа не успел выйти?

– Никита, – услышав голос жениха, улыбнулась. – А почему звонишь, разве ты сейчас не должен быть на высоте семи

тысяч метров на борту самолёта? Только, пожалуйста, не говори, что задержишься в командировке. Ты мне очень нужен здесь.

– Лиза, да я уже прилетел, багаж в аэропорту получаю. У тебя как со временем сможешь через пару часов подъехать в нашу кофейню, надо поговорить?

– Могу, но зачем? Ты после перелёта устал, может, дома увидимся и поговорим?

– Н-нет, – с запинкой отозвался Никита. – В кофейне лучше. Ну, всё тогда, через два часа жду тебя на нашем месте.

– Хорошо, люблю те...

У нас с Никитой традиция, всегда на прощание друг другу говорить: «Люблю тебя», но в этот раз не успела ни сказать, ни услышать, потому как связь оборвалась. Думала, жених перезвонит, но он не перезвонил, конечно же, наверняка по уважительной причине.

Поднимаясь по ступеням крыльца кофейни, знала, Никита уже внутри, видела через дорогу его припаркованный автомобиль. Толкнув дверь и заметив, что жениху достался наш любимый столик в углу возле окна, улыбнулась. Этот столик, как и само заведение для нас особенные.

Здесь мы друг друга впервые увидели, я пила кофе, он завтракал, правда, в тот раз до знакомства дело так и не дошло, поиграли в гляделки и разошлись кто куда. Зато оба на следующий день в то же время вернулись в кофейню, но опять обменялись лишь взглядами. Чтобы осмелиться и подойти

Никите понадобилась три дня, как сейчас помню, какой он чудный предлог для этого выдумал, спросил зарядку для телефона, а я ему в ответ прямо: «Ещё чуть-чуть и я бы сама к тебе подошла знакомиться». А ещё здесь же Никита впервые признался мне в любви, и жить вместе тоже тут предложил. Единственное, что не видела эта кофейня, это то, как Никита меня замуж позвал.

Сие знаменательное событие случилось на отдыхе, жених организовал романтический ужин прямо на берегу моря, стояла тёплая южная ночь, лёгкий солоноватый ветер ласково играл с волосами, вокруг горело, наверное, больше сотни свечей, чуть поодаль от нас музыканты играли красивую мелодию, под которую певец бархатным голосом исполнял песню о любви. И кульминация, Никита с торжественным видом встаёт на колено и протягивает мне кольцо. Не раздумывая, согласилась....

Заметив меня, Никита помахал рукой. Ответила тем же.

Иногда смотрю на жениха и не верится, что именно мне так повезло. Никита – моя тихая гавань, где всегда уютно, надёжно, спокойно. У жениха прекрасный характер – умеренный, без всплесков, у него не бывает слишком весёлого или, наоборот, очень гадкого настроения, а держится всегда где-то в районе золотой середины. Опять же Никита привлекательный, но не чересчур, шатен среднего роста со светло-серыми глазами и в меру спортивной фигурой. Он не обделён женским вниманием, но не до такой степени, чтобы за

ним с влюблёнными глазами носились толпы. Из-за профессии в моём арсенале знакомых, очень много крайне красивых людей, всё-таки в актёрском ремесле внешность играет не последнюю роль, и я очень хорошо знаю, как навязчивые поклонницы или поклонники могут осложнить отношения даже у самой крепкой пары.

– Если бы предупредил, я тебя в аэропорту встретила, – вплотную приблизившись к столику, сказала я уже подскочившему на ноги жениху.

– Присаживайся, пожалуйста. Что тебе заказать? – Никита отодвинул для меня стул, и всё ничего, но мы почти неделю не виделись, а он меня усадил и даже не поцеловал.

Это уже второй странный звоночек, да и ведёт он себя не как обычно. В глаза старается не смотреть, суетится, движения дёрганные и тон у него какой-то слишком вежливый, как будто мы с ним вовсе и не живём под одной крышей, а только вчера познакомились.

– Я буду кофе.

Жених, показывая на свою чашку, попросил у официанта повторить, и как только он это сделал, я как человек прямолинейный и не любящий долго ходить вокруг да около: в лоб спросила:

– Что случилось? Ведь случилось, да?

Никита кивнул, причём за секунду до этого я заметила в его взгляде отчётливое чувство вины.

– Рассказывай.

– Да, отец..., – жених, набрав в лёгкие воздух, бодро так начал, но как только наши глаза встретились, сразу сдулся, замолчал и крайне заинтересовался своей смятой салфеткой.

– Опять отправляет в командировку? – дабы помочь, предположила я. – И на какой срок, на месяц? На два?

– Нет, дело не в работе, – скривившись, Никита замотал головой. – Отец вчера позвонил и сказал, что твоя семья прогорела, вы банкроты.

– М-м-м, как быстро разносится информация. А дальше что?

– Потребовал, чтобы я с тобой порвал, потому что теперь ты мне не пара.

– Противно, обидно, но ожидаемо, – отозвалась я. В своё время именно отец жениха, когда я ещё училась на экономиста, предложил пройти пробы на роль в фильме, который он тогда спонсировал. С тех пор у него не было проектов без моего участия. Поэтому мы тесно общались, и мне отлично известно, что собой представляет, чем дышит и живёт человек из стали Астахов Пётр Тимофеевич. – Сильно поругались? – поняв, что конкретно выбило Никиту из колеи, в знак поддержки накрыла его руку своей и чуть сжала. – Не переживай, есть мизерный, но шанс, что он когда-нибудь передумает. А нет, мы вместе со всем справимся.

Недоумённо уставилась на парня, когда он вытянул свою ладонь из-под моей.

– Лиза, а почему ты от меня скрыла, что фирма твоего отца разорилась? Как-то непорядочно. Папа звонит, рассказывает мне об этом, а я в ответ только и мог, что мычать.

Если бы лично не присутствовала на процедуре под названием «Пётр Тимофеевич крайне жестоко и изощрённо морально уничтожает человека как личность» то Никита от меня сейчас услышал: «Ты головой, что ли, крепко ударился, по-другому чушь, которую несёшь, объяснить невозможно» плюс обязательно ввернула бы пару непечатных словечек, но мне известно, как Астахов старший виртуозно выворачивает людей наизнанку, что они потом долгое время ходят как не в себе. По этой причине дала Никите скидку и решила всю ситуацию по полочкам разложить.

– Сама узнала совсем недавно, и с тех пор мы не виделись. Сегодня, если бы ты эту тему не поднял, я бы её подняла. Никита, и ещё, понимаю, ты расстроен, но не надо говорить со мной, как с преступницей, я ни в чём перед тобой не виновата.

– Уверена?! – с вызовом бросил жених. – Папа не только о банкротстве говорил, он мне ещё и на тебя открыл глаза. Теперь всё знаю, и о твоих бесконечных интрижках с партнёрами, и как безобразно ведёшь себя на съёмочной площадке, пользуясь знакомством с моим отцом, и даже то, что начала баловаться запрещёнными веществами.

– Никита, ты дурак? – выплюнула я, а подумав, повторила фразу ещё раз, сменив вопросительную интонацию на утвер-

дительную. – Никита, ты дурак!

– Да, был дураком, но теперь всё, я от тебя уйду! Вернее, ты съезжаешь, моя же квартира. Я порядочный человек, поэтому сильно со сборами не тороплю, но чтобы к завтрашнему вечеру твоих вещей не было.

Если бы секунду назад у Никиты из шеи выросли ещё две головы и запели частушки, я и то была бы не настолько поражена, чем сейчас, услышав, что он меня бросает.

Вот же гад. Начиная с первого свидания и по сей день жених меня буквально носил на руках, пылинки сдувал, берёг, заботился, ни разу голос не повысил, кроме как любимой и ангелочком не называл, а теперь, после банкротства отца, совершенно другую песню завёл, я почему-то резко превратилась в гулящую капризную стерву, которая к тому же сидит на колёсах. Да я за всю жизнь кроме анальгина и аспирина никаких других таблеток вообще не пила.

Теперь ясно, кого он на самом деле всё это время любил – моё приданное, а сама по себе я ему ни капли не интересна.

– Как же хорошо, что ты звонил именно сейчас, а не после того, как мы прогулялись до ЗАГСа. Фирму отца, конечно, жалко, но зато я лишь в тебя наступила, а не загваздалась с головы до ног, – заявила я и брезгливо поморщилась.

– Ты меня с дерьмом, что ли, сравнила? – тихо, но злобно прошипел жених, теперь, разумеется, уже бывший.

– Разве я только сравнивала? Ой, ну, простите мне эту оплошность. Никита, ты говно! Так лучше?

Никита ухмыльнулся, настроение у него явно поползло вверх. Так понимаю, я своим оскорблением одним махом избавила его от мук совести. Он ведь не совсем кретин и где-то в глубине души понимал, что бросать невесту за несколько месяцев до свадьбы по причине, что у неё теперь нет богатого папы – ну не совсем благородный поступок. Я видела, он виноватыми глазами на меня вначале смотрел, значит, какое-никакое, но чувство вины у него было.

– Вот, значит, какая ты настоящая, – прищурившись и кивая, изобличительным тоном протянул Никита. – Так и знал, что ты обычная дворняжка, стоило погладить против шерсти, как из тебя базарная склочная баба полезла.

Что собственно и требовалась доказать. Никите, чтобы не выглядеть в собственных глазах подлым злодеем, позарез был нужен другой, неденежный, повод, почему разорвал отношения, и вуаля он, как по волшебству нашёлся. Его невеста не та за кого себя выдавала, оказывается она склочная и недостойная баба. Сегодня Никита будет весь день себя в этом убеждать, завтра начнёт искренне верить, ну а послезавтра другой версии событий даже не будет существовать.

– Унесите обратно, – махнув рукой, рывкнул бывший жених, когда официант хотел поставить рядом со мной кружку кофе. – Ничего больше, дрянь, от меня не получишь. Хватит того, что отца уговорил контракт с тобой не разрывать.

– Где же были мои глаза? – уставившись на Никиту, сама у себя спросила и нервно хохотнула. – Будь добр, больше ни-

когда для меня ничего не делай, не оставляй свои зловонные ошмётки на моей жизни.

Никита наклонился, сокращая между нашими лицами расстояние до минимума, и выплюнул:

– Выметайся из моей квартиры сегодня же. Иначе просто выброшу на помойку всё твоё барахло.

– Без проблем! Только не появляйся там до вечера, меня от одного твоего вида мутит.

Встала, накинула на плечо ремень сумки и уже собралась пойти к выходу, как Никита ляпнул очередную гадость:

– Не вздумай, забирать презервативы, они уже сегодня мне пригодятся.

Хотела сказать, что презервативов уже нет, потому что пока он был в командировке, я их использовала по назначению, но вместо этого, взявшись за угол, просто приподняла стол. И вселенная была на моей стороне, кружка с кофе покати-лась и пролилась прямо на ширинку Никиты.

– И это не кажется, – тыча пальцем в пятно, усмехнулась я. – Ты на самом деле обделался.

Глава 3

Добралась до машины, села в салон и глубоко дышу через рот, чтобы ни одна слеза из-за Никиты по щеке не прокатилась. Не достойны предатели слёз.

Как правило, на дороге мне не сигналият, вожу аккуратно, но при этом и не туплю. Сейчас же один недовольный гудок за другим, и так происходит не потому, что все водители кругом разом озверели, это я их своей неадекватной ездой провоцирую, виляю, подрезаю, не с той полосы поворачиваю.

– Курица, – мужик на серебристом седане специально меня догнал, поравнялся и обозвал, ещё и у виска покрутил пальцем.

И, вообще-то, он прав. Самая натуральная курица, если создаю аварийные ситуации на дороге из-за какого-то там козла.

Перестроилась в правый ряд, максимально близко прижалась к обочине и, включив аварийку, всё-таки позволила себе разрыдаться. И захлёбывалась я слезами не потому, что убивалась по жениху, он все мои чувства к нему задушил одним махом в кофейне. Плакала, потому что Никите, как себе доверяла, а он меня даже за живого человека не считал, я была для него что-то вроде безлимитной банковской карты, которую оберегают и хранят возле сердца, а после того как срок службы заканчивается, без зазрения совести разрезают

ножницами и бросают в урну для мусора.

Всласть наревевшись, уже более-менее адекватно доехала до дома, где мы жили с Никитой, подкатилась к подземной парковке, жму на кнопку пульта, чтобы ворота поползли вверх, но почему-то ничего не происходит. Посигналила, надеясь, что охранник через камеру видеонаблюдения услышит мой призыв о помощи и сам откроет ворота. Опять никакого движения и тишина. Вышла из салона, спустилась по лестнице непосредственно к воротам парковки и позвонила охраннику в домофон.

– Да? – на фоне треска раздался искажённый механический голос.

– Откройте, у меня, кажется, батарейка села на пульте, – попросила я.

– Дело не в пульте, собственник места ограничил вашему автомобилю въезд на парковку. Так что уезжайте, – даже ужасная связь не скрыла, с каким злорадством охранник мне отказал.

Да что это такое, сегодня, что все люди против меня ополчились?

– Козёл, – сквозь зубы процедила я.

– Что?! – возмутился охранник.

– Да не вы, – успокоила я его, но после передумала. – Хотя и вы тоже.

Двор без машин, а въезд оным разрешён только для разгрузки-погрузки с ограничением в один час – это не про

квартиру Никиты. Тут у кого нет в цокольном этаже автомобильного места, паркуется там, где найдёт свободную брешь, то есть двор забит транспортом под завязку. Пыталась впри-тирку втиснуться между машин и как сокол караулила, когда кто-нибудь отъедет, в итоге припарковалась чёрт-те где за полкилометра от входа в подъезд. И всё бы ничего, налегке дойти не проблема, но обратно-то мне топать, волоча на себе неподъёмные сумки.

Собиралась так, как будто через пять минут начнётся пожар, специально, конечно, ничего не ломала и не раскидывала, но и не переживала, что оставлю после себя разгром. Когда закончила, чуть не взвыла, вещей набралось два чемодана и три огромных мешка для мусора.

За один раз всё не унести, так что разделила багаж на два захода. Едва доковыляла до лифта, в обеих руках по чемодану, а здоровый мешок, практически держу в зубах. Хотя почему это практически? Натурально зажимала пакет зубами, когда он выскользнул из-под мышки.

На первом этаже, когда створки лифта разъехались, столкнулась с мужчиной лет пятидесяти, представительный, хорошо одетый, без живота, весь подтянутый и спортивный, он мне так помог, и в сторону отошёл, чтобы не мешать вытаскивать сумки, и даже на кнопку услужливо нажал, чтобы створки раньше времени не захлопнулись. Джентльмен хренов.

На крыльце зацепилась носком туфли за решётку и, не

удержав равновесие, грохнулась. Чемоданы повалены, пакет вообще не пережил падения и порвался, я на четвереньках, чувствую, что коленки разбила в кровь, кожа на ладонях содрана, волосы свисают на лоб, ещё чуть-чуть и опять разревусь.

– Сука, – ругнулась я на Никиту за то, что не дал времени по-человечески съехать, нанять грузчиков, специальную машину. Сажу тут, как .... стыдно и жалко себя до слёз.

Шипя и морщась от боли, встала, отряхнулась и огляделась по сторонам, надеюсь, никто не видел, как я тут носом бетон атаковала. Увы, но без свидетелей, похоже, не обошлось, у чёрного внедорожника с наглухо тонированными стёклами, что как раз стоит напротив меня, из выхлопной трубы едва заметно идёт дым, значит, включён двигатель, то есть, скорее всего, как минимум хотя бы водитель, но сидит за рулём.

– Чёрт, – шепнула я, когда дверца внедорожника распахнулась, и на улицу выпрыгнул молодой человек в белой рубашке и в сером деловом костюме.

– Девушка, вам помочь?

Пара крепких рук мне бы ох как пригодились, но парень ведь обязательно спросит, почему я волоку эти сумки одна, придётся изворачиваться, придумывать что-то и врать – не хочу, а ещё боюсь увидеть в его глазах жалость и почувствовать себя ещё более униженной, чем оно сейчас есть.

– Спасибо, но не стоит. Всё в порядке. Я справлюсь, –

с безмятежной улыбкой отказалась я. – Сумки просто громоздкие, но на самом деле лёгкие.

Вместо того чтобы вернуться в салон, молодой человек обратился к кому-то, кто так понимаю, находился во внедорожнике на заднем сиденье, затем что-то выслушал, кивнул и опять ко мне обратился:

– Я настаиваю, мне правда несложно. Всё равно тут стою и жду.

Из всего происходящего вырисовывалась любопытная картина. За моим мытарством с чемоданами и последующим падением из внедорожника наблюдали минимум двое – наёмный водитель и его работодатель. Хозяин автомобиля велел подчинённому мне помочь, парень вышел на улицу, получил отказ, посоветовался с боссом, как быть и тот по какой-то непонятной причине приказал сотруднику настаивать. С чего вдруг?

Странно это, если не сказать подозрительно. Нет, ну иногда бывает, что один человек другому хочет по доброте душевной безвозмездно помочь, но как показывает опыт, если условной «благодетель» навязывает «одариваемому» помощь, то за этим обязательно скрыта корысть. Иными словами, бесплатный сыр, как лежал в мышеловке, так по сей день исключительно только там и лежит. А те, кто о прописной истине забывает и зарится на дармовщину, попадают в капкан, то есть находят на свою пятую точку крупные неприятности.

Оно мне нужно? Конечно же, нет.

– Не хочу показаться неблагодарной и грубой, но я вам уже сказала, не надо, – отозвалась я по-прежнему вежливо, но теперь без улыбки и куда строже.

Парень, потирая затылок, глянул на меня с откровенным упрёком, так понимаю, из-за моей несговорчивости у него не получилось угодить шефу. Только я не собираюсь по этому поводу заморачиваться и давать задний ход. Тут недавно наткнулась на крайне поучительный сериал, каждая серия – это отдельная история о маньяке, и вот какой вывод из увиденного вынесла – неважно, что о вас подумают окружающие, чуешь неладное – поднимаешь крик, подозреваешь, что незнакомец у лифта извращенец – ни в коем случае с ним не заходишь в кабину, а бежишь сломя голову прочь, и самое главное – ни у одного маньяка нет надписи на лбу, что он маньяк, зачастую внешне это вполне себе обычные люди. Вот как этот водитель внедорожника, с виду симпатичный парень, но кто знает, какие тараканы ползают в его голове.

Глеб

– Глеб Викторович, вы всё слышали, – Иван вернулся на кресло водителя. – Не надо, сама справится. Или что? – парень обернулся. – Может, я ей сумки, куда требуется, без разрешения донесу?

– Нет. Насколько помню характер Лизы, без разрешения ты только этими же сумками получишь от неё по голове.

– Навалять мне, да ещё и по голове не у каждого мужика-то получится, а здесь хрупка барышня, – забубнил Ваня, но тут его взгляд упал на Елизавету, что уже с двумя чемоданами и огромным пакетом под мышкой с гордо приподнятым подбородком дефилировала в сторону арки. При этом девушка даже не прихрамывала, а ведь у неё обе коленки прилично разбиты, она, когда поднялась, сам лично видел, как сквозь разодранную ткань брюк сочилась кровь. – Хотя..., силу духа тоже надо учитывать. Глеб Викторович, я не понимаю, как она такую тяжесть тащит, сумки же в два раза её больше?!

– Ей помогает сила духа, – напомнил парню его же слова.

– Трогаемся? – спросил Иван и механически обхватил рукой рычаг переключения скоростей.

– Нет, стоим здесь, – притормозил я Ивана, потому как если мои расчёты верны, Лиза ещё вернётся.

Телефон Заморыша, которого Елизавета гордо именует своим женихом, у меня на прослушке, и вчера у него состоялся с родителем очень содержательный разговор. После чего Заморыш раньше времени сорвался из командировки, прилетел домой и позвал Лизу в кофейню. Там они чинно, благородно беседовали, пока не начали друг на друга орать, в итоге она намочила и не исключено, что ошпарила заморышные детородные органы, приехала сюда и уже через полчаса в прямом смысле вывалилась из подъезда гружёная чемоданами.

Первый вывод – зря Лиза накидала в папку избранное целую кучу сайтов со свадебной хренью: они ей не пригодятся. Второй – сегодня Заморышу дома будет незачем закрывать дверь в туалет, так как Лиза от него съехала, поэтому она собственно ещё и вернётся, ну не могут все вещи у девушки уместиться всего в три баула. Вывод третий, малозначительный, но всё же – Заморышу срочно нужна новая более оскорбительная кличка. Чтобы рядом с тобой по жизни шла такая девушка как Елизавета – можно убить, а он добровольно её бросил, потому что отец так сказал. Ну не долбо....

Хотя надо признать, Заморыш отказываться от Лизы не хотел, упирался, что-то там пищал против воли родителя, пару раз даже пытался заплакать, но...

– Глеб Викторович, девушка возвращается! Вы знали, что так будет, да? Откуда? Хотя с вами я уже ничему не удивляюсь. Вот чёрт, она наши номера срисовала, я видел вспышку на её телефоне.

– Ну плюс ей за осторожность, а если она ещё догадалась, скинуть это фото кому-нибудь из знакомых то целых два плюса, и три жирных минуса за то, что сделала это не аккуратно и ты заметил.

– Мы теперь на другую тачку пересядем, да?

– Придётся.

Лиза успела переодеться, колени на её брюках целые, а ещё в её голове, видимо, произошла маленькая революция, судя по траектории, она не к подъезду спешит, а пря-

миком к моему автомобилю. Так и есть, она подошла, причём не к двери водителя, что было бы логично, а к заднему боковому окну, возле которого как раз я сижу. Работает у девочки интуиция.

Лиза смотрит на меня так, словно видит, но это невозможно, тонировка ей не позволяет. Девушка сжала кулачок и чуть приподняла руку, но в окно пока не решается постучать. Вообще-то, я не так планировал нашу первую встречу после долгой разлуки, но палец на кнопку стеклоподъёмника положил. Постучит – открою.

Лиза замерла и я, кажется, забыл, как дышать...

Меня долго мучил вопрос, зачем трачу время и минимум трижды в неделю просто так, чтобы смотреть, таскаюсь за Елизаветой. Сейчас, когда она так близко, ответ вдруг стал очевиден, чтобы вновь и вновь чувствовать себя живым. Ведь по большому счёту в этом мире ничего не осталось, что трогало бы меня за душу и заставляло сердце биться сильнее, кроме неё, кроме моей Лизы...

Если на свете есть более красивые женщины, то я их не встречал. Когда-то налюбоваться ею не мог, до сих пор помню в ней каждую мелочь. И если закрою глаза, могу увидеть как наяву, что угодно. Как приподнимаются уголки её губ, когда она улыбается. Как хмурит носик, когда расстраивается. Как сверкают глаза, когда она злится. И каким у неё становится тёплым взгляд, когда она говорит, что тебя любит. Так же на собственной шкуре прочувствовал, как эта сука

умеет холоднокровно предавать. Каждый раз в глазах темнеет от ярости, стоит только вспомнить, что она накарябала в той записке, а после просто вычеркнула меня из своей жизни.

Удача Елизаветы – она не отправится вслед за своим отцом за решётку, я этого не хочу, но в том же заключается и её неудача, там бы ей было куда проще, чем оставаться здесь на воле со мной.

Глава 4

Лиза

Одна часть меня жаждала постучать в окно и узнать, кто за ним скрывается, а другая истошно вопила: «Уходи отсюда, пока можешь!».

Обычно стремление докопаться до истины всегда брало верх над осторожностью, но не в этот раз. Уж очень дурным было предчувствие.

Медленно разжав кулак, опасливо на шаг отступила от автомобиля, но заметив, что заднее стекло начало опускаться, резко развернулась и припустила к подъезду, словно существовал шанс, что из салона авто высунется чудовище и откусит мне полголовы.

Уже в лифте выдохнула и сама над собой посмеялась. Во сумасшедшая, наверное, подумали мужики из внедорожника, если всего лишь хотели просто помочь. Ну ничего зато бесплатный цирк посмотрели.

Решив, что я лучше выслушаю много «приятного» от охранника, чем ещё раз попадусь на глаза тем мужчинам, прихватив оставшиеся мешки из квартиры Никиты, из подъезда вышла не через главный вход, а спустилась на цокольный этаж, вместе с баулами пересекла всю парковку, слава всему ни с одной живой душой не столкнулась и улизнула через дверь возле ворот, ведь, чтобы её открыть с внутрен-

ней стороны, нужно только кнопку нажать.

– Да, тяжела жизнь брошенки, – смахнула с влажного лба прилипшие волосы и победно оглядела баул, который был последним, и категорически отказывался помещаться у меня в машине, но я его одолела, ногами, но утрамбовала.

Пока пыхтела и тащила мешки, всем, как по закону подлости, срочно приспичило мне позвонить, телефон в сумке разрывался, ни на секунду не умолкая, зато, как только руки освободились, резко затих. Поэтому, заняв кресло водителя, первым делом достала телефон, чтобы посмотреть, кто и чего там от меня хотел.

Самым свежим было сообщение от мачехи, поэтому оно было прочитано первым.

«Лиза, если Громов появится на горизонте, ты нам с отцом сообщи. Как у тебя дела? Позвони».

Громов – осенило меня, а что если в том внедорожнике был именно он?!

Или я слишком много о себе возомнила? Папа говорил, что он теперь весь из себя богатый, влиятельный, да ещё и обозлённый на нашу семью, делать ему, что ли, больше нечего, кроме как за мной следить.

Мысль, что несколько минут назад нас с Глебом разделяло лишь стекло, как острая игла, раз за разом вонзалась в сердце, заставляя подёргиваться и чаще дышать.

А может, и правильно Никита меня из звания невесты разжаловал до ненужной и посторонней. Я же сейчас не о нём

сизжу и горюю, а о поцелуях с Громовым вспоминаю. Что, между прочим, с моей стороны не очень умно. Украл Глеб те деньги шесть лет назад или нет, я, скорее всего, никогда не узнаю. Зато он совершенно точно разорил фирму отца, и неважно, чего хотел этим добиться, справедливого возмездия или подло мстил за то, что именно наша семья его в мошенничестве уличила, ситуацию надо рассматривать так, что каждый из нас, особенно мы с отцом, находимся у него под прицелом.

То есть неплохо было бы узнать, кому принадлежит тот злосчастный внедорожник, если Глебу, то всё, можно накидывать на плечи белую простыню и смело ползти в сторону кладбища Громов имея за душой благие или хотя бы нейтральные намеренья за тонированными стёклами от меня не прятался.

Набрала номер Максима, он мой лучший друг и тоже актёр, правда, в отличие от меня, является настоящей звездой, и поэтому ему любую информацию раздобыть, раз плюнуть.

– Сладкая, ты в курсе, сколько времени сейчас в моём часовом поясе? – сонно пробормотал он.

– Ой, Макс, прости, – растерялась я, но вспомнив, где у него сейчас съёмки, закатила глаза, опять он со своими шуточками. – Если мне не изменяет память, мы в одном часовом поясе, так что у тебя за окном в разгаре белый день. Признавайся, чем ночью занимался, почему дрыхнешь?

– Нет. Не скажу. Я же не враг сам себе, если узнаешь, то

точно уже меня никогда не полюбишь. А я ведь надеюсь и жду.

– Ая-яй переигрываешь, – хохотнула я, потому как на самом деле ни на что Макс не надеется и ничегошеньки от меня в интимном плане не ждёт. Впрочем, как и от любой другой девушки, только это великий и страшный секрет, которой даже мне якобы неизвестен. – Помощь твоя нужна, ты как, в деле?

– Я за любую потеху, если не надо вставать в семь утра.

– Помнишь, одна твоя поклонница та, что работает в ГИБДД, по номеру машины пробила владельца, ну когда у ассистента во дворе машину поцарапали и виновник скрылся...

– Да помню, я помню, на склероз пока не жалуюсь. Дальше что?

– Можешь организовать мне точно такую же услугу?

– Без проблем. Только хотелось бы знать, что я с этого поймею?

– И что хочешь?

– Ха, она ещё спрашивает. Секс!

– Макс?! – только ради приличия рявкнула я, на самом же деле всерьёз злиться даже не думала.

– Ты спросила, я ответил, в чём проблема?

– Ладно. В следующий раз, когда поклонницы будут атаковать твою дверь, я им её открою. И будет тебе секс. Целый океан секса.

Макс заковыристо выругался, из более-менее приличного раздалось лишь «Хитрожолая» и «Всё равно когда-нибудь тебя нагну».

– Правила меняются, я договариваюсь, чтобы тебе номер пробили, а ты вот этим больше никогда меня не шантажируешь, даже не заикаешься.

– По рукам. Сейчас фото номера скину.

Пришлось, полчаса барабанить от нетерпения маникюром по рулю, и лишь после Макс перезвонил.

– Лиза, такое дело, началось-то всё хорошо, я девушке продиктовал номер, она вся радостная давай стучать по клавиатуре, хихикала там, а потом резко заткнулась и заявила, что не может назвать имя владельца. Ну, я же тебя люблю, поэтому пошёл на жертву, свидание пообещал, но она всё равно наотрез отказалась. Ты, вообще кого пробивала, случайно ни в какую историю не влипла? – поинтересовался Макс, в голосе которого отчётливо прослеживались беспокойные нотки и никакого намёка на прежнее веселье.

– Если бы я знала, кого пробиваю, разве я бы обратилась за помощью. На счёт влипла – тоже понятия не имею, может, да, а может и шизофрения потихоньку начала развиваться.

– Мать, ты меня пугаешь. Рассказывай, я же доктора играл, в теме, мигом диагноз поставлю.

– Макс, давай потом, не по телефону. И вот ещё что, ты же только через неделю вернёшься, можно я пока у тебя поживу?

– О как! – после продолжительной паузы воскликнул Максим. – Объяснись.

– Никита меня в далёкие дали послал, и я теперь бомж, – буднично произнесла я, как будто о походе в продуктовый магазин рассказала.

– Очешуительная новость. Я сегодня на радостях ухряпаюсь вдрызг, возможно, даже до зелёных чертей. Лиза, этот твой окончательно же самоликвидировался, без всяких там «Откройте мне дверь, пустите обратно»?

– Не переживай. Гейм овер – бесповоротный.

– С чем я тебя и поздравляю, целую в обе щёчки и в обе булочки. Зашибись, как день начался, а я дурак, вставать не хотел. Так, Сладкая, адрес ты мой знаешь, ключи возьмёшь у консьержки, я её прямо сейчас предупрежу. Живи, сколько хочешь, чем дольше, тем лучше. Не стесняйся, всем пользуйся, вечеринки закатывай хоть каждый день, только женские. Я ревнивый, поэтому мужиков не приводи. Так, что ещё, что ещё...

Макс вдохновенно пояснял, что и как у него в квартире включается начиная с кофемашины и заканчивая сигнализацией. У меня же по груди растекалось тепло, не все люди – Никита. У Максима с его-то внешностью и темпераментом наверняка крайне бурная личная жизнь, разумеется, лишний человек в доме – это помеха. Особенно с учётом того, что он свои интимные отношения за семью замками скрывает, и не только от общественности, но и даже от близкого круга

друзей. Ведь просочись информация о его предпочтениях в массы – это удар по карьере. И тем не менее Макс, не раздумывая, меня приютил, ещё и этому радуется, как ребёнок.

– Макс, – кое-как вклинилась в его речь, но продолжить мысль не получилось, меня перебили.

– Что? Не запомнила что-то?

– Я у тебя сто раз была в гостях, всё знаю. Другое хотела сказать. Макс, ты..., ты..., ты самый очешуенный друг, – не могла подобрать ёмкое выражение, поэтому позаимствовала любимое словечко Максима. – Спасибо огромное.

– Сладкая, а ты с благодарностью не поторопилась? Не думай, я не такой уж пушистенький, у меня ещё и условия будут.

– Диктуй.

– В общем, так, спать ты должна исключительно в моей кровати и ни в коем случае постельное бельё не стирай. Приеду, обниму подушку и буду нюхать, – голосом озабоченного маньяка и как бы на полном серьёзе потребовал он.

– Макс! – звонко крикнула я – Ну ты и извращенец. Всё, позже созвонимся, отключаюсь, – под озорной хохот друга сбросила вызов и, разумеется, тоже рассмеялась.

*** *

– На сегодня закончили, всем спасибо, все свободны, – хрипло, но всё равно громко крикнула помощница режиссёра, оповещая о завершении рабочей смены.

Первым делом стянула с головы шапку и скинула шубу,

ещё чуть-чуть и у меня бы случился тепловой удар, у людей на огороде малина созрела, а у нас по сценарию лютый январский мороз, вспотела так, что не только одежду, но и нижнее бельё придётся выжимать.

– Распечатку на завтра оставила в гримвагене у тебя на столе, – прозвучало возле уха, но из-за жары и усталости, даже не поняла, кто мне это сказал, просто кивнула, давая знать, что услышала и, не останавливаясь, пошла дальше.

Преодолев три ступени, поднялась внутрь трейлера и не без радости отметила, что две мои коллеги и одновременно соседки по гримёрке, которые освободились раньше, уже успели переодеться в своё, и это означает, что очереди в раздевалку не будет, и они скоро уйдут. Улягусь на диван и минут пятнадцать спокойно полежу в тишине и одиночестве. Сильно устаю от постоянной толпы и криков вокруг.

– Лиза, мы в следующий выходной собрались куда-нибудь забуриться, ты как, с нами? – развалившись перед зеркалом в кресле и вытянув ноги, Алёна сильно запрокинула голову, чтобы, задавая вопрос, меня видеть.

– Не получится, у меня в это день озвучка.

– Гэ-э, – высунув язык, девушка изобразила звук рвоты. – У нас единственный в неделю выходной, и ты собралась опять работать?!

Если я предпочла промолчать и только пожала плечами, то Маргарита Андреевна авторитетно высказалась:

– Всё правильно, Лизонька, куй железо пока горячо, ра-

ботай, раз приглашают.

– А жить-то когда? – возразила Алёна, старшая коллега в ответ ей явно собиралась что-то сказать, но дверь в трейлер открыли.

– Никольская здесь?

– Вот она я, а что? – услышав свою фамилию, отозвалась я и как школьница подняла руку.

– Астахов о вас спрашивал, просил передать, чтобы вы никуда не уходить, он скоро к вам подойдёт.

В груди тревожно кольнуло и настроение рухнуло, последнее, что я сейчас бы хотела, это встретаться с отцом бывшего жениха. Удрать бы отсюда по скорому, да нельзя, Пётр Тимофеевич не только у нас на съёмочной площадке, но и в киноиндустрии царь и бог. Поссорится с ним, то же самое, что поставить крест на карьере.

– О-о, – воскликнув, Алёна подскочила на ноги. – Я домой. Ну его, с ним встречаться к недоброму.

– И я уже собралась, тоже пойду, – вообще-то, Маргарита Андреевна намеривалась подкрасить губы, но это желание как рукой сняло, женщина, даже чтобы не терять время, обратно на тюбик помады колпачок не надела, так бросила и засеменила к выходу.

Всех, как ветром сдуло, ждать Астахова осталась одна, и непонятно, чем ещё эта встреча закончится, хотя наверняка ничем хорошим.

Вздрогнула от грохота, а бедная дверь трейлера ходуном

заходила. Явился, не запыхавшись, и зачем стучать, как будто пожар.

– Войдите, – крикнула я, и под тяжестью веса Астахова, что продавливал ногами ступени, трейлер зашатало.

Может, мне повезёт и Пётр Тимофеевич, как Вени пух, не втиснется в дверь. Толстым Астахова старшего – язык не повернётся назвать, и всё же он очень большой. Такое телосложение, наверное, имели богатыри. Рост под два метра, разворот плеч такой же, кулак размером с мою голову, если не крупнее.

– Спасибо, что дождалась, – пробасил мужчина, заполнив собой добрую половину вагончика.

«Спасибо», «Пожалуйста», «Будьте добры» Пётр Тимофеевич любит корчить из себя вежливого, а заодно вводить людей в заблуждение по поводу собственного крутого и скверного нрава. Неоднократно наблюдала за тем, как он вполне мирно начинает с человеком разговор, а заканчивает звериным рёвом.

– Не за что, – куда резче, чем следовало, отозвалась я, и реакция Петра Тимофеевича не заставила себя долго ждать. Нет, он не показал мне свой волчий оскал, наоборот, улыбнулся, но с демонстративным снисхождением.

– Злишься на меня, да? Что ж имеешь полное право. Отрицать не стану, это я велел Никите отменить свадьбу.

Пусть Астахов всегда и везде ведёт себя как на всю голову отороженный самодержец, но он же далеко не глупый че-

ловек, неплохо разбирающийся в людях, и неужели он действительно убеждён, что я злюсь из-за свадьбы? Надо бы разубедить.

Поднялась с дивана, шагнула к мужчине и, положив правую ладонь на грудь, склонилась в поклоне.

– Огромное вам, Пётр Тимофеевич, человеческое спасибо за то, что не дали мне связать жизнь с вашим сыном, у которого нет ни собственного мнения, ни характера, ни воли, – искренне поблагодарила и выпрямилась. – Как видите, на роль невестки больше не претендую и попрошу вас, дальше ушей Никиты слухи обо мне не распускать. Вы лучше других знаете, что я не кручу бесконечные романы, не закатываю истерики и уж тем более не злоупотребляю таблетками.

– Я и не планировал, – заявил мужчина и огляделся, с явным намерением присесть, его взгляд задержался на кресле Алёны, и я, дабы он его не занял и не сломал, бегом достала из угла деревянный повидавший жизнь, но добротный табурет. – Благодарю, – усаживаясь, бросил мужчина и продолжил. – Лиза, сама подумай, ты девушка красивая, умная, самодостаточная – таких мало, Никите было непросто от тебя отказаться, и я, рассказав ему кое-какую неправду, чуть помог принять это решение.

– Угу, – только и смогла выдать из себя, ну а что тут ещё скажешь, как есть, что Пётр Тимофеевич – жестокая беспринципная сволочь – чревато последствиями, так что,

старательно разглядывая пятно от дождя на потолке, просто угукнуть – в самый раз.

– Лиза, ты бы тоже присела, нам же надо обсудить, как мы дальше будем сотрудничать.

Ёпереганды, так и знала, Астахов слишком высоко ценит своё время, чтобы его тратить на пустую болтовню с несостоявшейся невесткой, он явился по делу. Сейчас, как заявит: «Елизавета, мы больше не нуждаемся в ваших услугах» – вот это будет для меня боль и самая настоящая трагедия.

С понурой головой опустилась на недавно спасённое кресло и, надеясь на лучшее, морально настраиваюсь на ещё один пинок под зад.

– Контракт хотите со мной разорвать? – чтобы не растягивать для себя пытку, а для Петра Тимофеевича удовольствие, прямо спросила я.

– Ты слишком далеко, – вместо ответа, Астахов подался вперёд и, ухватив за подлокотники, подкатил моё кресло к своему табурету так близко, что наши колени практически соприкоснулись. – Нет, не хочу. По крайней мере, пока. Лиза, ты как, настроена плодотворно и без всяких проблем и дальше со мной сотрудничать?

Может, всё не так и плохо.

– Да. И сразу хочу уточнить, сегодня я была с вами немного резка, но это лишь из-за ваших слов обо мне и потому что никого постороннего рядом не было. В будущем себе такого не позволю, обещаю.

Мерзко прогнуться перед человеком, которого не уважаешь, но ради того, чтобы и дальше играть я и не на такое согласна.

– Это радует, – Астахов расплылся в довольной улыбке и всё бы ничего, но он зачем-то взял мою ладонь в свою руку, а другой свободной поглаживает. – Но, Лизонька, ты же понимаешь, на прежних условиях уже не получится.

– Вы это о деньгах? Сумму гонорара урежете? – предположила я и покосилась на свою несчастную конечность, что находится в плену у огромных лап.

Ощущения от прикосновений, если сказать мягко, омерзительные. Кожа у Астахова вроде бы и тёплая, и не шершавая, но энергетика исходит убийственно негативная. Да и в принципе, какого чёрта какой-то посторонний мужик решил, что меня можно трогать? И неважно грудь или рука – это всё моё тело. Передёргивает аж всю, но терплю. Уговариваю себя тем, что в жизни всему есть конец. Закончится и этот разговор, и Пётр Тимофеевич уйдёт, и я в любом случае сегодня доберусь до квартиры Максима, заберусь в ванну и смою в водосток все чужие прикосновения.

– А при чём тут деньги? – Астахов нахмурился и замотал головой. – Я сейчас не о контрактных отношениях, с этим мы позже разберёмся, в зависимости к какому результату сейчас придём. Вот смотри, Лизонька, ты мне теперь никто, но контракт я с тобой нерываю, то есть по доброте душевной и потому что ты умница и красавица помогаю. Но мир же не

так устроен, никто ничего задарма не получает, выходит, и тебе надо как-то меня отблагодарить.

Пётр Тимофеевич ладонь отпустил, но лучше бы этого не делал, потому что он обе свои клешни на мои колени переместил. Сука!

За руку подержал, коленки облапал, о благодарности с моей стороны говорит. Я не вчера родилась, и если бы передо мной сидел не Астахов, то даже бы не сомневалась, что человек хочет, чтобы я выразила ему свою признательность с раздвинутыми ногами.

Но ведь я именно в глаза Петра Тимофеевича смотрю. Он же ни кто-нибудь, а родной отец пусть и бывшего, но моего жениха. Мы же с Никитой не только под одной крышей жили, но и спали в одной постели. Так что любой интим между мной и Астаховым старшим – это фу-фу-фу какая гадкая бякушка.

Да и потом, я ни разу не слышала и не видела, чтобы Пётр Тимофеевич ну хоть за кем-нибудь волочился, а с учётом того в какой индустрии он воротила – это большая редкость. В принципе тут особо и волочиться не требуется, актрис, которые мечтают быстро и легко сделать головокружительную карьеру полным полно, сами всё предложат.

– Пётр Тимофеевич, вы же прямолинейный человек. Давайте без этих вот, – изобразила рукой ползущую змейку, – хождений вокруг да около. Как есть, так и скажите, что вам от меня нужно?

– Деловой подход, – мне, конечно, наверняка показалось, но нотку уважения в голосе мужчины уловила. – И такой подход мне импонирует. Когда без лишних сантиментов и всё честно. У меня есть квартира, будешь туда приезжать раз в неделю, а я тебя там буду пару часов пользоваться.

Сейчас меня стошнит, вот прямо всё, что есть в желудке, то наружу и вырвется.

Жаль, но на мир я теперь по-прежнему смотреть не смогу, ведь знаю, каких упырей земля носит. Боже мой, какая же непроглядная мгла должна быть в душе у человека, чтобы он ещё вчерашней невесте сына, вот эту грязь предлагал?

– Нет, – почти без эмоций, но в то же время строго произнесла я. – И руки, будьте добры, уберите.

– Откажешься, не будешь больше играть. Нигде. Разве что в подzemке драть горло и брэнчать на гитаре, – с ухмылкой предупредил Астахов, и скотина такой, лапы не подумал убрать.

– Понимаю. Но всё равно нет.

– Елизавета, твой отец – банкрот. Прежняя жизнь закончилась, приспособляйся к новой, если хочешь преуспеть. Я далеко не каждой делаю такое шикарное предложение, считай, что крупно повезло. Роли будешь сама выбирать, не понравится эпизод, его специально под тебя перепишут, и по поводу денег не беспокойся, не обижу.

По идее я должна, как ошпаренная подскочить и от негодования метаться из угла в угол, от переизбытка мерзопа-

костных чувств махать руками, ругаться, оскорблять Астахова, кричать, что ему должно быть стыдно, угрожать, что всё его жене расскажу. Но я сижу смиренно, гадко очень, но закатить истерику почему-то совершенно не хочется, зато тянет к земле, словно на плечи какой-то невидимый, но очень тяжёлый груз положили.

– Нет, – вновь повторила я. – И другого ответа вы не услышите.

– Да ты просто не знаешь, от чего отказываешься, – заявил Пётр Тимофеевич, и я даже не поняла, как оказалась у него на коленях.

– Отпустите, – не своим голосом заорала я. – А-а-а помогите.

– Хоть закричись, все знают, что я в трейлере, даже подойти не посмеют, – рычит мужчина, а сам хватает меня за всё, что только вздумается, пытаюсь дать отпор и вырваться, да толку ноль.

– Хватит ломаться, перебор. Цену себе уже достаточно набила. Говори, что ещё хочешь, всё дам, – забравшись ко мне под лифчик, хрипло шепчет Астахов. – Да расслабься ты уже, наконец, я же чувствовал, нас всегда друг к другу тянуло.

Задыхаюсь от отвращения, бьюсь изо всех сил, слёзы из глаз льются градом, никогда ещё не чувствовала себя настолько беспомощной, мужчина творит со мной, всё что угодно, а я его остановить не могу.

– Я Никите всё расскажу! – отчаянно воплю. – Как вам

такое. Навряд ли он готов даже сейчас мной с вами делиться.

Пётр Тимофеевич замер, а после даже руки убрал из-под моей блузки.

– Молодец, – глядя в глаза, похвалил он, схватил за оба запястья и сдал так, что я от боли согнулась. – Из всех рычагов давления выбрала верный. Да только это будет моё слово против твоего. И кому Никита поверит? Отцу, чья воля для него закон или брошенной девке, которая, чтобы отомстить врёт?

– А это ещё не всё, – зло зашипела, – Я ваши домогательства вытащу на суд общественности. Может заявление в полиции у меня и не возьмут. Зато журналисты как стервятники накинута на эту историю. В каждом поисковике ваше имя будут полоскать все кому не лень. Не поленюсь и на все ток-шоу схожу, подзаработаю заодно.

– Лиза-Лиза, не угрожай тем, на что никогда не решишься, – покачав головой, снисходительно протянул Астахов. – Ведь не только моё имя прополощут, но и твоё. Навсегда останешься жалкой жертвой. Как обычно поступают с участниками грандиозных скандалов? В их жизни, особенно в прошлом, капаются грязными руками. Каждую мелочь выворачивают наизнанку и преподносят потом, с той точки зрения, с которой захотят. Я тебя знаю, даже ради популярности личным не светишь. Все твои угрозы пфу-у..., пустой звук. Так что заткнись и получай удовольствие, – удерживая за затылок, он потянул меня ближе к себе с очевидным намере-

нием поцеловать.

Представив, как эта сволочь коснётся моих губ, ещё и язык в рот запихает, от брезгливости и омерзения помутился рассудок. Казалось, если это произойдёт, просто не выдержу и умру. Сопротивляться нет смысла, он настолько меня мощнее, что даже не замечает, как барахтаюсь. Меня мутило и сильно, во рту слюны скопилось достаточно, собрала всю и плюнула скотине прямо в лицо.

Более взбешённых глаз в жизни не видела, жгучая ярость и агрессия зашкаливали. Пётр Тимофеевич шумно сглотнул, медленно, проведя по лицу рукой, стёр плевков и опять вонзился в меня лютым взглядом.

Животный страх сковал внутренности, сердце замерло. Ожидание смерти мучительней, чем сама смерть. Не выдержав напряжения, согнулась, сжалась, крепко зажмурилась и молюсь.

– Сучка, – услышала я рык, и уже в следующее мгновение он меня от себя отшвырнул.

Перелетев через кресло, плашмя приземлилась на живот. Боль – должна быть, но из-за паники абсолютно ничего не чувствую, зато рядом звучат шаги.

Только и смогла, что приподнять голову, напротив лица тувель. Боже, да он же меня сейчас до смерти запинает.

– За эту выходку будешь отдельно расплачиваться. На коленях. Чмокая и облизывая, – процедил Астахов, развернулся и, тяжело ступая, направился к выходу.

Глава 5

Глеб

Недолго Елизавета по своему заморышному жениху горевала, вернее, вообще не сочла нужным это делать. Съехала из его квартиры и тут же, уже через час, распаковывала чемоданы в доме у другого мужика. Хотя бы ради приличия пару дней пожила у родителей, но нет же, она им даже не позвонила, то есть такой вариант вообще в принципе не рассматривала.

Повторно кликнул по треугольнику и вновь пошла запись телефонного разговора Лизы и какого-то мутного Макса.

Актёришка с ходу потребовал у Лизы за койко-место ни больше, ни меньше, а секс, она вроде как не согласилось, но при этом и не подумала оскорбиться, только хихикала и щебетала как канарейка. На «Сладкую» на раз откликалась, флиртowała, охотно подыгрывала подкатам, и когда он заявил, что целует её в зад – смеялась. Лиза его другом обозвала, но это ничего не значит, секс по дружбе никто не отменял, то есть, что между этими двумя – непонятно, из фактов – она регулярно в гости к нему заходит, и за помощью в первую очередь тоже к нему бежит. Сука.

Открыл файл с досье, которое для меня в срочном порядке собрали на этого якобы друга Елизаветы.

Фотографии, так понимаю, с портфолио вытянули. Идио-

ты. На кой мне смотреть на мужика с выпяченными губами и в одних трусах, или как он душ принимает? Нельзя было его морду с паспорта взять – вполне бы хватило.

Набрал номер начальника безопасности и к себе пригласил, а когда он явился, потребовал объяснений:

– Владимир Георгиевич, я что, недостаточно конкретно выразился, когда просил на Стрельцова информацию нарыть? Ты зачем в досье одну воду налил, где и когда учился, какой гонорар требует, в каких проектах участвует? Первый вопрос – спит ли Стрельцов с Никольской, второй вопрос – с кем он ещё спит?

– Глеб Викторович, что-то узнать о публичных людях постфактум крайне затруднительно. Стрельцов Максим популярный актёр, он знает, что за его каждым шагом следят, и делает всё возможное и невозможное, чтобы его личная жизнь выглядела так, как ему нужно. Только сейчас ему приписывают одновременно несколько романов, на данный момент мои люди успели опросить из пяти девушек трёх. Каждая утверждает, что состоит со Стрельцовым в интимной связи, но я считаю, они все лгут. При проверке ни даты, ни места встреч не подтвердились. И давить на девушек бесполезно, большинство из них – помешанные фанатки, мозги набекрень, сами не различают где мечты, а где реальность.

– Допустим, но Никольская вроде как не фанатка и приглядываете вы за ней довольно давно. Какого... я только сейчас узнаю, что у неё, возможно, есть любовник?

– Моё мнение, между Лизой Никольской и Стрельцовым – исключительно платонические отношения. Да, порой содержание их разговоров выходит за определённые дружеские рамки, но всё говорит в пользу того, что это всего лишь их своеобразный способ общаться.

– «Моё мнение», «Я считаю», Владимир Георгиевич, ты шаман? Ещё кости у меня на столе раскнижь и погадай. Мы не первый год вместе работаем, ты же первоклассный профессионал, почему в этом, между прочим, пустяковом деле как дилетант? Где конкретные факты и доказательства?!

– Будут и факты, и доказательства. Вот ещё что, не хотел вам докладывать непроверенную информацию, но раз уж я здесь... Есть шанс, что Стрельцов с девушками встречается лишь для публики, а в действительности он нетрадиционный.

– О, как? – вспомнил фото этого лицедея в обтягивающих белых трусах и выпяченные губы. – Очень похоже на то, но надо выяснить точно! Свободен.

Владимир Георгиевич уже был в дверях, когда его окликнул и приказал:

– Организуй мне личную встречу с Никольской. Где-нибудь в тихом, уединённом месте и у Лизы не должно быть возможности встать и уйти.

– Устрою всё в лучшем виде.

– Ну смотри, Георгиевич, облажаешься – прощаемся.

Лиза

Елена старший менеджер агентства по организации праздников для vip-клиентуры уже минут десять по телефону зудела мне в ухо, согласись, да согласись...

– Лен, честное слово не хочу я к ним ехать. Если бы людям надо было, как обычно, прибыла в ресторан или ещё куда, отработала от трёх до шести часов и свободна – то никаких проблем. А тут двое суток?! На кой я им сдалась на сорок восемь часов?

– Лиза, ну я же уже объяснила. Они праздновать на яхте собрались, как торжество начнётся, от берега отойдут. Неудобно им из-за одной тебя обратно возвращаться.

– А мне, значит, нормально двое суток провести с посторонними в закрытом пространстве?

– Лизонька, тебе ещё раз повторить, какую сумму они предлагают? В ней же цифр, как в номере телефона! Да за такие деньги не то чтобы двое суток, а два месяца на этой яхте безвылазно можно сидеть ещё и палубу им драить.

Тут Лена права, деньги действительно очень хорошие, с ними я свой жилищный вопрос на целый год вперёд решу быстро и безболезненно. Какую захочу квартиру, такую и сниму, а сейчас с учётом того, что Пётр Тимофеевич с роли в новом сериале, скорее всего, меня снимет, потяну только бюджетный вариант на окраине в разваливающемся доме с клопами.

– Мне самой гонорар по душе, и эти деньги меня бы очень

выручили, – призналась я. – Но Лена, это же яхта, а не поезд, если начнутся проблемы, на следующей станции не сойдёшь.

Девушка недовольно фыркнула.

– Детский день рождения, имениннице одиннадцать лет, какие тут могут возникнуть проблемы?

– Ага, ещё один замечательный факт, – раздражённо протянула я. – Аниматором на утреннике я ещё не работала.

– На день рождения, – поправила Лена. – Девочка поклонница, ну того фильма, где ты чародейку играла. Наденешь костюм, пару часов с ребяташками порезвишься, между прочим, дети – всегда благодарные зрители, потом закроешься в отдельной каюте и отоспишься на неделю вперёд.

– А где я возьму костюм? – всполошилась я.

– Это не твои проблемы, отец девочки не зря нашему агентству платит, всё будет. Лиза, ну как берёшь заказ или нет?

– Беру. И только из-за того, что это детский праздник, надеюсь, взрослая публика при своих чадах будет вести себя скромно и мирно.

С грехом пополам, но освободила в графике для заказа два дня. В какие-то моменты думала, всё, не смогу перенести съёмки, но сумма, что сразу же после разговора с Еленой, упала на банковский счёт, подстёгивала настаивать и договариваться. В итоге в среду в десять утра вышла из такси на парковке яхт-клуба.

Погода отличная, если и будет жара, то ближе к обеду, а

сейчас приятно тепло, солнечно и со стороны берега ненавязчиво дует освежающий ветер. Красота, а у меня на душе тревожное чувство, может, всё-таки зря поддалась на уговоры Лены?

Кстати, а это не она? Приложила ко лбу раскрытую ладонь, сделав из неё козырёк, и приглядываюсь к девушке в сиреновом платье, что только что вышла из ворот клуба и теперь что-то грузит в багажник машины.

Решив, что это точно она, приблизилась.

– Привет, помочь? – предложила я из вежливости, хотя Лена и сама с баулами справлялась отлично.

– Лиза! Нет, спасибо, я уже всё, – девушка со всей силы захлопнула дверцу багажника. – Не волнуйся, твой костюм я отдала, его обещали отнести к тебе в каюту, – сказала она и, поднявшись на цыпочки, показала пальцем куда-то в сторону берега. – Тебе вон туда, видишь, где флаги раздуваются. Нет, отсюда почти не видно. В общем, заходишь в ворота и прямо по дорожке, никуда не сворачивая, и как раз упрёшься в нужный пирс. Ну всё, тороплюсь, поехала. Удачно отработать.

– Подожди, а разве праздник не ты будешь координировать?

– Нет, в этот раз я только на подхвате. У них там свой проверенный человек, моя помощь не нужна, – по дороге к передней дверце автомобиля выпалила девушка, прежде чем прыгнуть на сиденье, помахала рукой, и я уже через несколь-

ко мгновений наблюдала за тем, как она лихо вывернула с парковки на основную трассу.

Что-то мне всё это не нравится, за весь опыт сотрудничества с Еленой, она впервые на вторых ролях. Тяжело вздохнула, оглянувшись за спину, посмотрела на ядовито-жёлтый чемодан и покатила его к воротам.

Ладно, я уже на месте. Пойду гляну, что да как. Но если хоть ещё что-то подозрительное замечу, вызову такси и вернусь обратно домой.

Шагая по пирсу, я уже во весь рот улыбалась. Зря переживала. Возле нужной мне яхты праздничная, весёлая атмосфера. Детей навалом. Музыка играет. Повсюду воздушные шарики и надувные герои мультфильмов. Клоун вовсю трудится, выдувая мыльные пузыри. Да и взрослые гости внушают доверие, по крайней мере, внешне выглядят, как интеллигентные добропорядочные люди.

Не имея понятия, что делать дальше, тут стоять ждать или подняться на яхту, оглядываюсь. Обычно лично и довольно хорошо знакома с организатором торжества, знаю к кому обратиться с вопросом, сейчас же полная неразбериха.

– Елизавета, – слышу, как выкрикивают моё имя и, подняв голову, замечаю на палубе улыбающуюся брюнетку с бейджем на груди и планшетом в руках, она в упор на меня смотрит и машет, чтобы к ней присоединялась.

Через корму перебралась с пирса на трёхпалубную белоснежную красавицу яхту, где меня встречала та самая жен-

щина с планшетом.

– Добрый день, я Марина, – по-деловому протянув ладонь для рукопожатия, брюнетка поздоровалась и представилась. – А ещё я ваша поклонница, все фильмы, где вы играли, смотрела.

– Приятно познакомиться, благодарю. Я тут немного растерялась, – пожимая плечами, призналась я.

– И немудрено. Предлагаю поступить так, я вас сейчас в каюту провожу, а как этот дурдом, вернее, посадка закончится, сразу зайду и расскажу, что да как. Договорились?

– Хорошо, – кивнула я и последовала за организатором. Вместо того чтобы запоминать дорогу, глядела по сторонам, мне и раньше доводилось бывать на яхтах, но они и не были настолько шикарными и такими огромными. Куда ни глянь, повсюду зоны для отдыха на любой вкус. На просторных диванах вокруг овального стола можно собрать шумную компанию, или, наоборот, уединиться вдвоём в уютных креслах, а если хочется освежиться, есть бассейн, он, правда, совсем небольшой, но полежать в нём двум или даже трём людям места хватит.

– Прошу, – толкнув дверь, Марина отошла в сторону. – Ваша каюта.

Ёпереганды ...

Это не каюта, это королевских размеров и такого же содержания спальня, тут одна кровать в два раза больше той, что у нас была в квартире с Никитой.

Организатор явно что-то напутала и привела меня не туда.

– А вы уверены? – даже заходить не стала. – Я, конечно, других не видела, но это же явно лучшая спальня на яхте, а значит хозяйская.

– На все сто процентов. Каюта точно ваша.

Женщина и правда выглядит уверенной в своих словах и, но тем не менее я не перестаю сомневаться.

– Может, вам ещё раз уточнить? А то распакуюсь, обжигусь, и только потом выяснится, что произошла ошибка. Не хотелось бы попадать в неловкую для всех ситуацию.

– Уточнять, нет нужды. Хозяин лично мне велел вас здесь поселить, – Марина взяла за ручку мой чемодан и сама закатила в каюту. – Располагайтесь. Позавтракайте, – показала она на сервированный стол. – И у вас есть время освежиться, – девушка кивнула на внутреннюю дверь спальни, так понимаю, там ванная. – Вернусь через час-полтора.

– Вот это да! – с восторгом воскликнула я, когда осталась одна и с разгона плюхнулась на супермягкую кровать. – У меня отпуск, за который ещё и платят.

Побалдев на постели с тарелкой фруктов и перед телевизором два часа, откровенно говоря, устала ждать Марину и отправилась на её поиски.

Странно, если не сказать пугающе, ни музыки, ни праздничных шаров, ни людей. Такое чувство, что на этом судне я одна. Куда все подевались?

Намотав два круга по палубе, наконец, наткнулась на ко-

го-то живого, а точнее на молодого человека в бежевой форме, наверняка члена экипажа.

– Здравствуйте, а где Марина, ну организатор и вообще где все? Здесь что, есть банкетный зал, и гости там собрались? – изо всех сил старалась не поддаваться панике, но сердце буквально выпрыгивало из груди, а от переживаний потели ладони.

– Подождите, пожалуйста, здесь. Сейчас к вам подойдут.

– Марину позовёте?

– Да.

Крепко взявшись за ограждения, смотрю в сторону берега, вид великолепный, но отсутствие людей нервирует, что насладиться им не получается. На пирсе насчитала минимум десять детей, их смех и голоса просто обязаны быть слышны в любом месте яхты.

– Отличный сегодня день, не правда ли? – где-то сбоку и достаточно близко раздался когда-то хорошо знакомый мне голос.

Сердце кольнуло и рухнуло куда-то вниз, а осознание того, что ко мне обратился не кто-нибудь, а Громов Глеб, заставило не только тело, но и душу похолодеть.

Если сама я, оцепенев, замерла, то в голове поднялся целый вихрь из мыслей. Этот заказ – ловушка, как внутренний голос на пару с пятой точкой и предупреждали. Завышенный гонорар, неоправданная нужда в ночёвке, Лена не координатор мероприятия, приглашение на детский праздник, хотя

ни я, ни тот фильм с моим участием «Чародейка» у ребятни особого восторга не вызвали. Всё говорило в пользу отказа, но нет же, согласилась.

Громов отлично всё просчитал, знал, что у моей семьи финансовые проблемы и какмышь куском сыра, приманил деньгами, а я тоже хороша, весело с высунутым языком добровольно засунула свою дурную голову в капкан, надеюсь, хоть не смертельный.

Ладно, толку-то себя сейчас грызть, дело сделано, теперь надо выкручиваться, и хотелось бы без вреда для психологического и физического здоровья. Как-то не очень прельщает через двое суток сойти на берег как внешне, так и морально уродом.

Чтобы тут с Глебом не пропасть, нужно вести себя исключительно правильно, роль жертвы отмечаю сразу. Жертва на то и жертва, чтобы её топтать и ломать. Пока выберу стратегию нападения, а дальше посмотрим, как дело пойдёт.

– Так понимаю, ты и есть та самая одиннадцатилетняя именинница, в честь которой закатали банкет? – не поворачивая на Громова головы, усмехнулась я. – Забавно.

– Рад, что тебе понравилось. Старался.

– О да, я заметила. Устроил целое представление в несколько актов. Основные актёры сыграли великолепно, массовка тоже не подкачала, декорации впечатляют, как, впрочем, и сумма вложенных средств, – и вот на этом моменте я вонзилась в Громова взглядом. – Только не пой-

му, зачем всё это было нужно? Разве не проще и дешевле мне позвонить и договориться о встрече. Я бы пришла.

А Глеб изменился, только не в ту сторону, в которую обычно людей меняет тюремное заключение. Повзрослел, и этот возраст ему гораздо больше идёт. Возмужал и это, пожалуй, самая значительная перемена. А ещё он теперь не бреется начисто, а носит якобы небрежную, а на самом деле тщательно ухоженную бороду. Да и вообще он создаёт впечатление человека, у которого жизнь во всех смыслах удалась.

Глава 6

– Возможно, ты бы и согласилась на встречу, но меня не устраивала короткая беседа в какой-нибудь забегаловке, из которой ты бы удрала, как только разговор перестал тебе нравиться. Да, чтобы здесь оказалась, пришлось чуть напиться, зато ты в полном моём распоряжении на сорок восемь часов.

Громов говорил неспешно, где-то даже лениво с абсолютно бесстрастным лицом и стоял он в расслабленной позе, скрестив ноги и опираясь правой рукой на ограждение. Весь его вид буквально кричал, наша первая встреча после долгих шести лет его не то чтобы за душу, а даже за пятку не трогает.

Почему же меня всю трясёт? Да так, что ладони спрятала за спиной, чтобы, как дрожат, не было видно. Или я так бурно реагирую не на Глеба, а на ситуацию? Сейчас никак не понять, в голове даже не каша, а смесь из супа, киселя и салата. Единственное знаю точно, надо брать себя в руки, чем сильнее нервничаю, тем больше у Громова преимущества.

– Но дело ведь не только в количестве времени, так? – ехидно заметила я. – Ты меня обманным путём заманил, чтобы выбить из-под ног почву. Чтобы морально была не готова. Чтобы чувствовала себя уязвимой. А заодно и наглядно продемонстрировать, какой ты теперь весь из себя всемогущий, и какая я по сравнению с тобой вошь. Ну вот, я вся перед

тобой, говори что надо? – я не только шагнула к Громову, но и вытянулась перед ним как по струнке.

Мужчина медленно оглядел меня с головы до ног и ухмыльнулся:

– Елизавета, ты не на сцене, поубавь драматизм, – пренебрежительно бросил он и сообщил. – У меня есть к тебе предложение, какое именно скажу сегодня за ужином.

– А-а-а, обстановочку накаляешь, да? – шевеля пальцами, как будто играла на пианино, зловещим шёпотом произнесла я.

– Нет, – отрезал Громов. – Ты слишком раздражена и обижена, в общем, не в себе, чтобы принимать взвешенные решения. Сейчас нет смысла разговаривать, к вечеру успокойся, и я детально всё объясню.

Честное слово, это просто вопиющая наглость, сначала человека взбесить до трясучки и чёрных мурашек перед глазами, а после ещё и с умным видом упрекать, что он, видите ли, не в себе. А кто виноват-то?

Не в себе значит, ладно, держи...

Подошла к Глебу, причём так близко, что если сильно вдохну, есть шанс задеть его грудью, внимательно посмотрела в глаза, широко и приветливо улыбнулась, а затем закрытила две фиги и сунула их ему прямо в лицо.

– Видел. Это мой тебе ответ и на ужин, и на предложение, и на все остальные закидоны. Не на ту напал. Зря старался и тратился. Я не испугалась и не впечатлялась. Хочешь пого-

ворить, разворачивай это корыто к берегу, и вот когда мои ноги коснутся земли, может быть, я тебя выслушаю, да и то без гарантии.

Какого чёрта Громов смотрит на меня опять с высокомерной пренебрежительностью, я не на такую реакцию рассчитывала, надеялась обескуражить. Я же ему два кукиша показала, хоть бы ради приличия разозлился, всё лучше, чем это его надменность, словно он свежевыпеченный румяный каравай, а я покрывшаяся плесенью зачерствевшая корка.

– Лиза, запомни на будущее, не выдвигай ультиматум, если нет полной уверенности, что оппонент под его натиском сдастся. После громких заявлений форсировать событиями сложно.

– А мне не обязательно форсировать. В самом крайнем случае надо только ждать: время работает на меня. Тик-так. Сорок восемь часов истекут, и будешь вынужден пришвартоваться к берегу. Так что ты пока подумай над своим поведением, а я пошла загорать на шезлонг и наслаждаться мини-отпуском за твой счёт.

Изображая невинность, пару раз махнула ресницами, с довольным лицом обогнула мужчину и беззаботным прогулочным шагом направилась..., нет, не загорать, пойду в каюту, запрусь в ванной и буду там, кипя злостью, грызть полотенце, что застряла тут на целых два дня, но Глебу об это знать совершенно необязательно.

– Лиза, а ты договор, перед тем как подписать, вниматель-

но прочитала?

Сердце в очередной раз кольнуло. Чую, неспроста он задал этот вопрос.

– Читала, – притормозив, обернулась я. – И что?

– Часть третья, пункт двадцать один, подпункт пять помнишь?

Дурак, что ли?!

– Смутно. Напомни.

– В общих словах смысл такой, если сочту необходимым, то могу тебя здесь задержать на неограниченное количество времени, разумеется, за дополнительную оплату.

Прикрыла глаза и пусть одними губами, но грязно и не по-девичьи матерюсь.

– Лиза.

– Что?

– Ужин в семь.

– Блефуешь. Ты, как и я, не можешь себе позволить застрять на этой яхте надолго, – бросила аргумент. – Бизнес встанет.

– Ошибаешься, даже слегка не притормозит. В моём штате достаточно высококлассных специалистов, пару недель или даже месяц и без меня справятся. А вот без тебя съёмочный процесс однозначно остановится. Или я не прав?

– Всё, с меня хватит! – рявкнула я, вынула из заднего кармана брюк телефон и набрала номер полиции. – Чего я сама напрягаюсь, пусть с тобой разбираются компетентные орга-

ны. Глеб, у тебя же память хорошая, в Уголовном кодексе статья за похищение под каким номером?

Приложив к уху мобильный и не дождавшись гудков, решила, что из-за волнения нажала неверные цифры, сбросила вызов и только нацелила палец, чтобы ещё раз набрать номер, как заметила, что нет связи.

– Да чтоб тебя, – бегала я по палубе и ловила сигнал, и на лестницу забиралась и наоборот приседала, чтобы быть ниже, и руку за борт вместе с телефоном выставляла – ничего не помогло.

– Лиза, какие-то проблемы со связью? – подал голос Громов, который всё это время молчаливо наблюдал за моей суетой.

– Это ты давишь сигнал, – наконец озарило меня. – Глушилку поставил.

– Мы же на отдыхе, – на лице мужчины заиграла издевательская улыбка.

– Наверняка же слышал поговорку, что женщина на корабле к беде? Так вот, сегодня в правдивости этого утверждения ты убедишься лично.

Поговорив с Глебом, вернулась в каюту, чтобы как следует подготовиться к предстоящему мной же сотворённому Армагеддону. Завязала на затылке хвост, чтобы волосы не лезли в лицо, надела удобный трикотажный костюм, дабы одежда не сковывала движения, и самое главное – сменила каблуки на плоскую подошву сандалией.

Когда вновь вышла на палубу, душу переполнял боевой дух, а в голове строились ровными рядами грандиозные коварные планы.

В первую очередь попытала счастье с командой. А именно, затаившись в укромном месте, как паук ждала, когда мимо пойдёт кто-нибудь из членов экипажа, затем выпрыгивала из укрытия, хватала бедолагу за грудки и прямым текстом заявляла, что я жертва похищения, что меня удерживают тут насильно и слёзно молила помочь сбежать.

Ну что сказать, более дружного коллектива ещё не встречала. На призыв о помощи все как один реагировали одинаково. Опускали взгляд, извиняющееся улыбались, что-то непонятное бурчали себе под нос, старательно притворялись, что я говорю на мандаринском диалекте китайского языка, который им, разумеется, как речь инопланетян, непонятен, а ещё всеми правдами и неправдами пытались от меня отделаться, и в итоге убегали.

Далее сделала ставку на людей, которым Громов не платит. Вооружившись всем, чем только можно махать, сигналила и во всё горло вопила: «Спасите!» людям на судах, что проходили в относительной близости от яхты. Да, на меня реагировали, но не так, как бы хотелось. Все почему-то думали, что я с ними здороваюсь, в ответ тоже махали, что-то выкрикивали, а если на соседнем судне компания отдыхала за столом, то вверх поднимали бутылки или бокалы. В общем, и эта идея с грохотом провалилась.

Решив, что спасение утопающих, дело рук самих утопающих, взялась за новую идею, где чужое вмешательство не требовалось, по крайней мере, именно так мне поначалу казалось. Вокруг спасательной лодки я кружила подобно акуле, что нарезает круги возле откормленного тюленя, и так к ней подступалась, и сая, и с одного боку пыталась поднять и с другого, и под саму лодку залазила. В конце концов, от злости пнула бесполезную вещь и выругалась:

– Как на тебе спастись, если ты не подъёмная?!

Несолоно хлебавши, вернулась в каюту, присела на край кровати и сгорбилась. Никогда ещё себя такой беспомощной не чувствовала. Руки и ноги не связанные, кляпа во рту нет, а сделать всё равно ничего не могу.

Похоже, первую битву под названием «Ужин» Громов выиграл. Будет у него компания за столом. Можно, конечно, встать в позу и не пойти, да только кому наврежу – исключительно себе. Глебу-то что, он на яхте и неделю безболезненно продрейфует, у него в фирме и заместители, и помощники есть, а если я вовремя на съёмочной площадке не появлюсь, заклеят, как негодную, и потом ни в один проект не пригласят.

Ну, уж нет. Я этой скотине Петру Тимофеевичу вытиснить меня из профессии помогать не собираюсь.

Не планировала к ужину прихорашиваться, оно как-то само собой получилось. Душ приняла, по причине, что до этого три часа бегала по палубе, хотелось освежиться. Волосы

уложила, потому как всё равно фен держала в руках, когда сушилась. Накрасилась по привычке. Ну а когда ты уже при макияже, да при причёске и наряд соответствующий выбираешь. Надела молочный брючный комбинезон и босоножки на высоком каблуке, чтобы Дюймовочкой себя рядом с Глебом не чувствовать, хватит и того, что его масса тела мою раза в два превышает.

Разумеется, опоздала, и не на пятнадцать минут, что в принципе допустимо, а на целых полчаса. Мелкая, но всё же месть.

Ужин Громов организовал на верхней палубе, под навесом и с учётом того, что когда я соизволила присоединиться, мужчина сидел перед полной тарелкой и с аппетитом ел, он успел сделать вывод, что его «гостья» упёрлась рогом и уже не появится.

Под пристальным взглядом Громова подошла к столу, демонстративно покосилась на кресло и кашлянула: «Мол, чего сидишь, давай отодвигай».

Ну а что, затащил силком даму на ужин, приготовься к капризам.

Глеб медленно отложил приборы, тщательно промокнул губы салфеткой, также плавно поднялся на ноги, до меня вышагивал, чуть ли не сутки, и лишь после отодвинул кресло.

– Присаживайся, пожалуйста.

Чуть на автомате не брякнула «Спасибо», но вовремя спохватилась и промолчала.

– Угощайся, – великодушно предложил Глеб, вживаясь в роль кавалера.

– Ой, нет, – отодвинула от себя предназначенную мне тарелку. – Ты человек ненадёжный, способный на всякие гнусности, ещё подсыплешь какую-нибудь дрянь, и утром я этот день не вспомню. Поголодаю, зато останусь в здравом уме.

На лице Глеба ни один мускул не дрогнул, словно я его не оскорбила, а заметила, какая хорошая сегодня погода, он только едва заметно плечами пожал, сообщая жестом: «Не хочешь, не ешь, дело твоё».

– Ну вот я здесь. Говори, что там тебе от меня нужно. Внимательно слушаю, – поторопила Громова, потому как, вообще-то, голодная, а тут столько вкусовостей и от стола исходит умопомрачительный аромат, скоро живот, даже не заурчит, а заорёт, требуя пропитания.

– Чуть позже. О делах непосредственно во время еды предпочитаю не говорить, но с удовольствием поддерживаю любую нейтральную беседу. Например, можешь рассказать, как у тебя дела. Слышал, ты собралась замуж. Это так?

Глеб специально от отбивной так аппетитно кусок отрезает, у меня сейчас слюни на колени покапают.

– Устаревшая информация. Жених, как узнал, что мой отец разорился, отменил свадьбу и с вещами за дверь выставил. То есть быстренько бросил.

– Сочувствую, – если я про Никиту сказала чистую правду, то Глеб только что нагло соврал. Ничего подобного он не

ощущает и даже не старается сделать вид.

– Лишнее. Тут за меня можно только порадоваться. Зачем мне рядом гнилой человек? Избавилась и слава богу. Знаешь, а я передумала, всё-таки поем, – заявила я, поднялась на ноги, подошла к Громову и забрала его тарелку. – Себя же ты точно не станешь травить, поэтому всё твоё безопасно. Ты же не против?

– Ну как бы уже забрала, так что ешь на здоровье.

– Отлично, – вернувшись с добычей на своё место, улыбнулась я и вытянула руку. – И свой бокал мне, будь добр, тоже отдай.

Ничем Громова не пронять, тарелку с едой беспардонно конфисковала, вдогонку ещё и вино затребовала, а у него на лице эмоций как не было, так и нет.

Мужчина покосился на свой бокал с таким же безразличием, как секунду назад на меня смотрел, но поднял его и мне через стол протянул.

Руки у меня не такие длинные, как у Глеба, поэтому чтобы дотянуться, пришлось привстать.

– Спасибо, – на этот раз не удалось вовремя язык прикусить, и Громову всё-таки досталось от меня вежливое слово.

Передавая бокал, мужчина едва заметно задел мою ладонь подушечкой пальца, что удивительно, но факт, я уже не только в рот кусок мяса положила, но успела переживать и проглотить, а мимолётное касание до сих пор ощущаю на коже, словно ожёг. Если это таким образом во мне эхом отзывает-

ся прошлая любовь к Глебу, то её нужно нещадно давить, у него-то ко мне явно никаких тёплых чувств не осталось, зато злости и желания отомстить наверняка хоть отбавляй.

– Я уже на твой вопрос отвечала, значит, теперь моя очередь спрашивать, – заявила я исключительно ради того, чтобы не сидеть в тишине. – Ты женат?

– Нет.

Вопреки моей воле, глупое сердце порадовалось и заби-лось быстрее.

– Встречаешься с кем-нибудь?

– Если ты имеешь в виду серьёзные отношения с долго идущими планами, то таковых нет.

Ясно, на самом деле, очень даже у Глеба есть отношения, наверняка целы ворох, только они скоротечные и для него малозначимые, в народе подобные связи именуются – блудом, а мужчин, что их практикуют, называют – кобелями.

Оказывается, услышать, что у твоего мужчины, пусть и бывшего, есть любовницы – сомнительное удовольствие, которое легко роняет настроение до отметки – паршивое. Ещё что-то спрашивать у Громова резко перехотелось, вдруг опять неприятное скажет. И чем мне тишина не понравилась, нормально же ужинали?

– Как ты, наверное, уже знаешь, у меня достаточно крупный бизнес, – где-то через минут десять, Громов вновь подал голос, причём из нас двоих, закончил ужинать только он. Так понимаю, его заботит исключительно собственное пи-

щеварение и аппетит, а на меня ему плевать с высокой-высокой башни. – Судимость, особенно в последнее время, начала становиться настоящей проблемой. Не все, конечно, но некоторые двери мне закрыты. Хочу это изменить. Я уже добился пересмотра дела, следующим шагом станет полное моё оправдание и снятие судимости.

– Ну что ж, дело нужное, удачи тебе, – перед тем, как допить оставшееся на доньшке вино, пожелала я и даже приподняла бокал.

– Всё не так просто. Преступление было, этот факт не оспорить. Значит, чтобы отмыться и не только на бумаге, но и перед глазами общественности, мне нужен тот, кто это преступление совершил, ему должны выдвинуть обвинения, а суд осудить.

Напряглась. Громову нужен козёл отпущения, и в каком доме он будет его искать, догадаться несложно. Физически ощутила, как над моей семьёй нависла угроза и гораздо страшней, чем банкротство.

– И что, у тебя уже есть кандидат на роль преступника?

– Да. Только не кандидат, а кандидаты. Поверь, я не стремился, чтобы этих людей было двое, но, изучив документы, именно так и получается.

– И кто?

– Твой отец и ты.

Изо рта сам по себе вырвался нервный смешок.

– Почему в список попал отец, мне, более-менее, понят-

но, но я тут при чём? В то время я училась на втором курсе университета и к делам фирмы никакого отношения...

– Имела, – перебил Глеб. – Если забыла, напомним, Андрей Романович был генеральным директором своей основной компании, а ты числилась таким же директором в его трёх дочерних фирмах, через которые собственно деньги и утекли в неизвестном направлении.

– Вот именно числилась. Только на документах! – отчаянно запротестовала. – Да я даже ничего своей рукой не подписывала. Папа сам подмахивал, если требовалось. Глеб, зачем я тебе всё это объясняю, ты же лучше других знаешь, как было дело.

– Верно, знаю, – согласился Глеб и вот теперь его спокойный разменянный тон, откровенно начал бесить. Он тут, вообще-то, не пирамидку из кубиков составляет, а жонглирует чужими судьбами. Неужели этот факт ему даже чуть-чуть не царапает душу? – Да, лично ты гарантировано меня не подставляла и только по этой причине, я предлагаю тебе шанс, пройти по делу не как обвиняемая, а как свидетельница. Дашь против отца показания, и у следствия к тебе не будет претензий. Обещаю. Елизавета, и не надо меня так сверлить взглядом. Тебе уже приходилось бросать и предавать близкого человека в беде. Разом больше, разом меньше. В конце концов, потом отправишь с адвокатом Андрею Романовичу письмо с объяснениями, тем более и такого рода опыт у тебя уже есть.

Даже не сомневалась, что злосчастное письмо мне аукнется. Эх, папа-папа, как вам с Софией в голову только взбрело его написать.

– Глеб, ту записку, что тебе якобы от меня передали, в глаза не видела и, разумеется, не писала. Сама о её существовании узнала несколько дней назад, как и то, что тебя осудили и дали срок. Все шесть лет считала, что ты украл деньги и с ними скрылся. Мне так отец с мачехой объяснили твоё исчезновение.

– Елизавета, в верном направлении движешься. Правильно, вали всё на Андрея Романовича.

Громов и не думал меня хвалить, и неважно, что он сказал, его слова имели только один смысл: «Ты сейчас предаёшь отца точно так же, как и меня шесть лет назад».

Глава 7

Ничего, кроме правды, ведь не сказала, а Глеб счёл, что наспех сказочку сочинила, или ещё хуже выдала заранее тщательно продуманную ложь, чтобы себя в его глазах отбелить. Такое чувство, как будто в лицо плеснули помоями, а потом в довесок ещё и оплевали.

– Я сказала правду, но не могу, да и не собираюсь, это доказывать. Убеждать кого-то, что ты не индюк – самое бесполезное в мире занятие. Жизнь обычно потом сама всё по местам расставляет, а если нет, значит, для чего-то так нужно. Если это хоть как-то помогло бы отцу, чёрт с ним взяла письмо на свою совесть и о том, что родители шесть лет мне лапшу на уши вешали, даже не заикнулась. Да только это всё без толку. Рваньё – ради вранья. Ты, что задумал сотворить с моей семьёй, то и попытаешься сделать. Но имей в виду, здесь я тебе не помощник. Пугай чем угодно, хоть пожизненным заключением, хоть дуло пистолета к виску подставляй, наговаривать на отца, я не стану. Если и выступлю в суде, то только на стороне защиты.

Громов слушал внимательно, даже вдумчиво, но ровно до тех пор, пока не озвучила, что против отца не пойду, тут мужчина начал поглядывать в сторону и стучать по столу пальцем.

– Тему письма и что тебе там родители пели – опускаем.

Нет смысла месить стародавнюю грязь. Проехали и забыли. А вот сегодняшнее твоё решение глупое. Елизавета, ещё раз объясняю. Вопрос стоит так, либо Андрей Романович сядет один, либо вы оба. Варианта, что из вас никто не сядет – не существует. Я к тебе не за помощью обратился, а сделал одолжение, дал возможность с минимальными потерями выйти из ситуации. Спрашиваю ещё раз, готова сотрудничать со следствием?

Обхватила голову руками, прикрыла глаза и в прямом смысле застонала.

– Как же с тобой тяжело говорить, как с глухим. Это же мой отец, человек который жизнь дал, – вместе с выдохом руки соскользнули с макушки и повисли вдоль тела, а я открыла глаза и обомлела.

Громов зачем-то поднялся с кресла на ноги и, нахмурившись до глубокой морщины между бровями, с тревогой уставился на меня.

– Кровь носом пошла? – с ходу предположила потому как другого объяснения взгляду мужчины у меня не нашлось, и сразу мазнула ладонью под носом, но следов крови не обнаружила. – Да, нет. А что тогда?

– Ещё раз подними руки, – вместо ответа прорычал Глеб. Твою же...

Теперь до меня дошло... Когда голову руками обхватила, широкие рукава комбинезона упали вниз, обнажая багрово-синие подарочки Петра Тимофеевича в виде синяков.

– Может, мне ещё ноги задрать?! – огрызнулась я.

Нагрубила, потому что разозлилась, на себя, конечно, в первую очередь. Это же надо было забыться и именно Громову синяки показать. Он тут весь деловой, вершитель судеб, пуп земли, и я средней руки актриса, побитая продюсером.

Мужчина за секунду оказался рядом и навис надо мной словно скала.

– Рукава засучи!

Ага, ещё чего. Не буду я ничего показывать и унижаться.

– Не хочу, – скрестила на груди руки, чтобы он сам не задрал.

– Выбирай. Либо ты это сделаешь добровольно, либо я тебя заставлю.

– Интересно мне как? – усмехнулась я и уже в следующую секунду самым возмутительным образом, была поднята на ноги, Громов вытянул мне руку и до плеча отодвинул ткань комбинезона.

– На другой, так понимаю, тоже живого места нет, – рявкнул мужчина и принялся левую руку осматривать.

– Охренел. Больно вообще-то.

В действительности Глеб хоть и творил с моим телом, что хотел, но был предельно осторожен, даже капли физической боли не причинил, а протестовала из-за стыда. Жертва насилия, которая смолчала и не пошла искать справедливости, не только жалкая, но и оскорбительная роль.

Закончив с осмотром, Громов на несколько шагов отошёл от стола, где-то минуту я наблюдала за его напряжённой спиной, а потом он обернулся и тихим, но леденящим душу голосом, спросил:

– Кто это сделал?

– Никто. Упала, ушиблась.

– Упала на чьи-то две пятерни?! – я даже вздрогнула, как рывкнул Громов. – Хватит врать. Лиза, у тебя на коже отчётливо видны пальцы.

Ничего не понимаю, Глеба, словно подменили. Ровно до этой секунды, я от него и крошки эмоций не видела, а сейчас, как сорвался с цепи. Ноздри вон как раздулись, губы исчезли, глаза злобой сверкают, того и гляди, разорвёт, агрессивный адский пёс.

– Глеб, отстань, а? – сбавив тон, чтобы и дальше не накалять обстановку, не потребовала, а именно попросила я. – Мы чужие люди, не лезь в мою жизнь.

Пара размашистых шагов и кипящий гневом мужчина вновь совсем близко, даже руку вытягивать не требуется, чтобы до него дотронуться.

– Это Заморыш тебя так на прощание приласкал?

Бьюсь об заклад, Громову даже не пришлось игнорировать просьбу, не совать в мои дела нос, он до такой степени сейчас не в себе, что попросту её не услышал.

– Заморыш – это вообще кто? – не поняла, о ком идёт речь.

– Женишок твой недоделанный.

– Никита?! Нет. Он тут совсем ни при чём.

– Кто тогда?

– Сказала уже, не буду я перед тобой объясняться, – заявила и тут же взвизгнула, потому как мужчина, схватив за плечи, потрянул так, что голова только каким-то чудом от туловища не отвалилась. – Из ума выжил!

– По-хорошему или по-плохому, но я в любом случае узнаю, кто это был. И имей в виду, сейчас было ещё по-хорошему.

Смотрю на Глеба и понимаю, у него же от ярости разве что только пена изо рта не идёт, и он ни капли не шутит, ведь действительно в буквальном смысле потрясет из меня имя.

– Это был Астахов, только не Никита, а Пётр Тимофеевич – его отец.

Мужчина, прикрыв глаза, глубоко вздохнул, выдохнул и задал новый вопрос:

– Ты же бесппроблемно от Заморыша отказалась, чего он ещё хотел?

– Чтобы спала с ним ради ролей.

Глеб, глядя куда-то в ноги, несколько раз отрывисто и нервно кивнул.

– Ясно. Синяки ещё где-нибудь, кроме рук есть? – и тут мужчина с головы до ног меня всю осмотрел.

Сглотнула и отшатнулась.

– Надеюсь, не собираешься требовать, чтобы разделась?

– Скажешь правду – одетой останешься, нет...

– На бедре и на боку, – не стала дожидаться, пока озвучит альтернативу и перебила.

Пока мужчина, глядя на воду, о своём думал, взяла его бокал и допила остатки вина. Обычно не снимаю стресс алко-голем, но обычно я и не признаюсь, что чуть не стала жертвой насилия.

– Глеб, а ты чего так разнервничался? Неужели пожалел дочь врага?

Громов резко ко мне развернулся.

– Не выношу, когда без спроса топчут моё игровое поле.

– А-а-а, – протянула я и усмехнулась. – Ты недоволен, что другой кот гоняет твоих мышей. Как же, оказывается, всё просто, а я-то уже подумала...

– Глупость ты подумала, – заявил он и, вынув из кармана визитку, бросил на стол. – В общем так, о сделке со следствием ещё размышляй, примешь верное решение, позвонишь. Утром пришвартуемся к берегу, и пока можешь быть свободна.

– А почему утром, можно и сегодня пришвартоваться? – бросила удаляющемуся мужчине вдогонку.

– Потому что я так решил, – не оборачиваясь, отозвался он.

– Охренительно исчерпывающий ответ.

Настроение – дрянь, прошлая неделя – дрянь в квадрате, а этот день вообще – дрянь в кубе.

Пойду и найду ту барную стойку позади которой на стеллажах ровными рядами стояли бутылки, и стащу одну в терапевтических целях.

Подогнув под себя ноги и укутавшись покрывалом, забралась в кресло и сидела так, пока из бутылки в бокал забулькала не очередная порция белого сухого, а выпрыгнула всего одна капля.

– Ой-ё, – только после того, как приняла вертикальное положение, поняла, что выпила лишнего – это, если интеллигентно сказать, а если как есть на самом деле, то наклюкалась в зюю.

С грехом пополам, держась за перила, дотопала до каюты, как смогла, так умылась, на всякий пожарный случай поставила возле кровати мусорное ведро, кидая вещи на пол, разделась и плюхнулась на постель.

На кой чёрт, спрашивается, пила? Проблемы все на месте, гадость на душе как была, так и осталось, только вертолётник и тошнота в гости зашли.

Заснула хоть и мгновенно, но полноценным сном это было сложно назвать, скорее дремала. Ещё бы, ведь пить хотелось больше, чем жить, горло терзала сухость, язык словно чем-то липким намазан, плюс под одеялом мучилась от жары, но стоило его с себя скинуть, как тут же начинала от холода покрываться мурашками. И если с отвратительным самочувствием – банально смирилась, а с некомфортной температурой – справилась, укрыв одеялом лишь часть тела, то

со сновившимся кошмаром ничего поделывать не могла. Поёрзав или перевернувшись на другой бок, вроде неприятный сон прогоняла, но он как не убиваемый раз за разом всё равно возвращался.

Снилось, как будто я полностью обездвиженная лежала в кромешной темноте во влажном и в то же время душном помещении, а рядом раздавалось чьё-то тяжёлое дыхание. Как ни старалась, человека ну или ни человека разглядеть не могла и каждый раз, когда он дотрагивался до меня, гладил, сжимал кожу или же легонько царапал ногтями, задыхалась в немом ужасе.

Услышав, как хлопнула дверь, сразу поняла, то был не иллюзорный звук из сна, а вполне себе реальный, широко распахнула глаза и резко села.

– Кто здесь?! – старалась придать голосу больше уверенности, но всё равно прозвучала, как до смерти перепуганная, да к тому же трусливая девчонка. – Эй-й...

Разумеется, ответа не получила. Если забрался вор или ещё хуже извращенец, то навряд ли бы он стал откликаться, скорее всего, спрятался и затаился.

Хоть сквозь ночную темноту различала только очертания комнаты, до включателя лампы всё равно тянулась, не отрывая взгляд от двери, чтобы быть готовой, если именно в эту секунду кто-нибудь нападёт.

Тусклый свет ночника показал, что на первый взгляд в каюте, кроме меня, никого нет, но в любом случае это надо ещё

проверить.

Осторожно без лишнего шума сползла с кровати, подняла с пола босоножку и взяла её так, чтобы, если придётся защищаться, была я ею не каким попало местом, а именно травмоопасным высоким каблуком. Трясаясь от страха, радучись осмотрела каюту, заглянула в шкаф, проверила каждый угол, открыла дверь в ванную и тоже включила там свет.

Выдохнула, я одна, всё-таки померещилось, никто не входил.

Или же ... я услышала, не как человек входил, а наоборот уже выходил.

Ещё раз осмотрела каюту, но уже на предмет, все ли вещи на месте и там ли где я их оставила.

Комбинезон, который, как мне казалось, вчера перед сном бросила на пол, сморщенной кучкой валялся на сиденье кресла. Крышка чемодана откинута, а у меня в памяти есть отчётливый момент, как ещё днём застегнула крышку и больше не раскрывала. Выдвинут верхний ящик письменного стола, но я к столу вроде бы даже не подходила.

Вроде бы, да кажется – всё, что могу сказать. У меня же вчерашний вечер наполовину стёрт алкоголем. Что конкретно трогала и точно передвигала в каюте, даже под пытками не назову. Так что, забрался ко мне кто или нет, скорее всего, никогда не узнаю. Разве только если замечу пропажу, но опять же особо ценного с собой не брала. Что вору красть? Помаду? Утюжок для укладки волос? Трусы?

Дальше ложиться спать не отважилась, зато неспешно приняла душ и собралась. Как Громов и обещал, к рассвету яхта пришвартовалась, и я беспрепятственно и с превеликим удовольствием сошла на берег.

Пока катила по пирсу за собой чемодан, целых три раза споткнулась и даже знаю причину, наверняка Глеб из каюты украдкой меня провожал своим дурным взглядом. На тот случай, если этот так, развернулась и в сторону яхты вытянула руку с оттопыренным средним пальцем.

До чего же гадким был вчерашний день, впрочем, сегодняшняя ночь прошла ничем не лучше, но тем не менее неплодотворным это время никак не назовёшь. Во-первых, Громов приоткрыл свои карты, и теперь знаю, что у него на уме и в планах. Во-вторых, ощутимо поправила финансовое положение, как только телефон поймал сеть, тут же пришло сообщение, что на карту упала вторая часть суммы оплаты заказа. Прощай квартира Макса, здравствуй новое съёмное жильё, да не абы какое, мне ведь очень даже на приличное хватит. В-третьих, неожиданно-негаданно вырисовался незапланированный выходной, Глеб же меня отпустил раньше на целые сутки.

Морально вымоталась, полночи не спала, конечно, хотелось поскорей забраться в кровать и с пультом от телевизора валяться на подушках до следующего утра, но в приложении такси указала не адрес Максима, а родительский дом. Громов дал мне время подумать, отлично – будет для нас с

отцом фора, мы обязательно изобретём способ, как дать достойный отпор.

Надеялась, папа опровергнет слова Глеба и заверит, что никакое тюремное заключение нам не грозит, потому что мы белые и пушистые законопослушные граждане, на деле же вышло всё в точности наоборот. Родитель обрисовал ситуацию, в которой мы оказались куда более тёмными красками, даже нежели чем Громов.

– Я втянул тебя по дурости в это дело, мне одному и отвечать. Нечего рассуждать, Лиза, принимай сделку, пока предлагают, – припечатал папа вердикт.

Первой отреагировала мачеха, что до этого тихонько не вмешиваясь, находилась вместе с нами в кабинете, но сидела чуть поодаль от стола на диване.

– Андрей, но как же так, тебя же тогда точно закроют!

– А ты хочешь, чтобы я родную дочь заставил платить за свои ошибки? Не будет этого никогда! – грубо ответил Софии отец.

– Немедленно прекратите повышать друг на друга голос, – вмешалась я. – Между собой нам только грызни не хватало. Пап, а что если мы выберем компромисс. Будем бороться в суде изо всех сил, а если уж сильно прижмёт, и другого выхода вообще не будет, сменим линию защиты и заявим, что я в той фирме была только номинально директором, а фактически делами не руководила.

– Андрей, а ведь Лиза права, чем не выход? – поддержала

мою идею София.

– Девочки, да вы просто не знаете, о чём говорите. Лиза, если судебная машина завертится, тебя из процесса уже так просто не выкинешь. Мы не сможем доказать, что в действительности ты фирмой не руководила.

– Почему, я ничего даже не подписывала. Почерковедческая экспертиза...

– Какая к чёрту экспертиза? – раздражённо ругнулся отец. – Сейчас всё, начиная от платёжных документов и заканчивая договорами, заверяют электронно-цифровой подписью. Помнишь, оформляли такую? Так что с юридической стороны всё ты подписывала, и неважно, что кнопку нажимал другой человек.

– Пап, а ты к Роману Сергеевичу обращался за помощью? Он всё-таки мой крёстный и прокурор.

– Рука руку моет, слышала выражение? Я же теперь вышел в тираж, и у Романа Сергеевича нет причины мне помогать, я же ему взамен ничего не предложу.

– А кто ему давал беспроцентную ссуду на покупку участка и строительство дома, м? – напомнила Софья. – Андрей, ты с ним за любую услугу давным-давно расплатился авансом. Настало время ему вернуть долг.

– Вот! – подняла я вверх палец. – Папа, надо попробовать.

На том и остановились, в эту субботу в загородном клубе, членами которого мы всей семьёй являемся, состоится съезд кого-то там..., в общем, называется красиво, а на деле

обычная светская тусовка, чтобы каждый мог перед другим прихвастнуть, там-то мы с отцом Романа Сергеевича и прижмём к стенке. Мачеха – просто умница, вовремя и к месту про заём вспомнила.

Главное – чтобы в клубе Глеб не объявился, а то, как пить дать попытается спутать нам карты.

Глава 8

Покинув дом отца, мы с чемоданом в квартиру Макса отдыхать и бездельничать на кровати опять не поехали. Позволила Нина – юрист Петра Тимофеевича и попросила заглянуть к ним ненадолго в офис, чтобы что-то там подписать. Что конкретно девушка не сказала, а я растерялась и как клуша не уточнила.

Хотя выбор-то невелик, скорее всего, Астахов, как и грозился, официально разрывает со мной контракт, о чём меня и уведомят в письменном виде. Единственное, что говорит против этой версии, голос Нины по телефону звучал буднично, а у нас с ней сложились приятельские отношения. Ну не приглашает таким тоном одна подруга другую на увольнение.

В офис Астахова поднималась морально раздавленной, до слёз обидно терять роль в историческом сериале, я же уже настроилась на дворцовые локации, на пышные бальные платья, на партнёра в офицерском мундире...

Эх, может, теперь уже никогда не доведётся сыграть нежную барышню времён Александра Сергеевича...

Проходя мимо кабинета Астахова, пригнулась и ускорила шаг, чтобы снизить риск повстречаться с этим упырём.

– Привет, – заглянув к Нине, с порога поздоровалась я.

Девушка, зажимая телефон между плечом и ухом, с кем-

то разговаривала и умудрялась ещё активно стучать по клавиатуре.

– Проходи, – широко улыбнувшись, кивнула она на кресло напротив своего стола и к тому моменту, когда я присела, Нина освободилась. – Так-так-так, куда же я твой договор засунула? Честное слово у меня не голова, а дом советов. Вот же он, – девушка вынула из-под дна стопки бумаг несколько листков, скреплённых скрепкой. – Изучай и подписывай. Чай, кофе, чем тебя угостить?

– Ничего не надо, спасибо, – на автомате пробормотала я, а сама не верю собственным глазам, неужели держу в руках договор на участие в новом проекте?

И ведь это не просто бумажки, оба экземпляра заверены лично Астаховым.

Это что же получается, не зря я училась изящно обмахиваться веером?!

Пробежалась по тексту, кажется, он вообще ничем от предыдущего не отличается, изменены только названия, сроки и даты.

– Договор стандартный, да? – спросила я у Нины.

– Ага, составляла поверх старого, – девушка кивнула и призналась. – Астахов ещё две недели назад велел тебе контракт дать на подпись, но у меня столько дел, сама же знаешь Петра Тимофеевича: «Нина, туда. Нина, сюда. Нина, к ноге. Нина, бегом» вечно с высунутым языком и вся в мыле ношусь, руки никак не доходили. А как он вчера в больницу

загремел, хоть выдохнула и немного разгребла завалы.

– Кто в больницу загремел? – бугай Астахов и больничная койка в моём понимании – вещи не совместимые, поэтому и переспросила.

– А ты разве не в курсе? – Нина округлила глаза. – У нас тут вчера из-за этого был такой переполох, мать моя женщина... Даже из полиции приезжали и всех допрашивали.

– Зачем?!

Хоть, кроме нас, в кабинете больше никого не было, девушка всё равно воровато огляделась по сторонам, через стол подалась вперёд, пододвигаясь ко мне ближе и, сбавив голос до шёпота, заговорщицким тоном сообщила:

– Так, Пётр Тимофеевич же не палец занозил, а попал в серьёзную аварию. И как утверждают свидетели, подстроенную. Его машину специально таранили и сбросили в кювет. Представляешь? Видно, хорошо он кому-то дорогу перешёл.

Нина посмотрела на меня, как будто видит впервые и осторожно двумя пальцами безымянным и указательным прикрыла мне открывшийся от изумления рот.

– Ничего не понимаю, – всплеснула девушка руками. – Как так получилось, что ты в блаженном неведении о делах почти свёкра?

– Никита меня бросил и отменил свадьбу, – призналась я, скрывать смысла всё равно нет, рано или поздно слух до всех и каждого донесётся, так пусть уж лучше люди без выдуманных подробностей от меня узнают.

– Он совсем, что ли, ку-ку, – Нина, присвистнув, pokrутила у виска пальцем. – Какая бешеная муха его укусила?

– Не только бешеная, но и зловредная, а ныне переломанная в больнице, Петром Тимофеевичем зовётся.

– Ясно, этот везде нагадить успеет. Лиза, слушай, а может это и к добру? Врагу ведь не пожалеешь в их гаденькой семейной кастрюле вариться.

– Вот и я такого же мнения, – вынув из стакана ручку, согласилась и шустро подписала контракт. – Нин, в следующий раз поболтаем, ладно, а то бежать пора.

Прижав к груди свой экземпляр договора, за мгновение испарилась из офиса несостоявшегося свёкра.

Теперь с документом у нас с Петром Тимофеевичем другой разговор состоится, захочет выпнуть из нового сериала, пусть раскошеливается и платит неустойку. Нину я не подвела, Астахов ей сам распоряжение дал и не отменил, он, конечно, ещё тот самодур, но работника за исполнение собственного приказа точно не накажет.

Усевшись на водительское сиденье, вставила ключ в зажигание, но вместо того, чтобы завести машину, задумавшись, замерла. Подозрительно как-то, что Пётр Тимофеевич попал в аварию сразу после того, как я Глебу об инциденте в трейлере рассказала. Совпадение или нет?

Оставив ключ в покое, вынула из сумки визитку Громова. Может не гадать на ромашке, а позвонить и прямо спросить?

– Меньше знаешь, лучше спишь, – глядя на своё отраже-

ние в зеркале заднего вида, произнесла вслух и вставила визитку обратно в боковой карман сумки.

Все люди как люди после тяжёлого трудового дня спешат домой, а я отпахала на площадке смену, едва шевелюсь, но упорно рулю в загородный клуб. Мои уже с утра там, я дай бог к девяти вечера заявлюсь. Да и ладно бы просто отдыхать, так ведь придётся полночи на каблуках, с натянутой улыбкой и бокалом играть в светскую жизнь на тусовке.

В клубе бывала не раз, поэтому бесппроблемно добралась до коттеджа номер девять, буквально за шкурку вытянула себя из автомобиля и поплелась к багажнику за чемоданом. Заметив на веранде соседнего коттеджа влюблённую парочку, зло зашипела:

– Твою же налево, где я так нагрешила?

На плетёном диване сидел и обнимал девушку не кто-нибудь, а мой бывший жених. Всё-таки хорошо, что я за Никиту замуж не вышла, у него отец в больнице за жизнь борется, а он тут у всех на глазах барышню тискает.

О-ёй, а он зачем встал?

Фух, чтобы бывшая невеста перед глазами не мельтешила, решил спрятаться в доме.

Эй? Ты почему за своей новой дамой в коттедж не вошёл?

Никита ко мне, что ли, идёт? Нет, не надо. Ну зачем это?

Может, ну его, этот чемодан, вернусь и заберу после, а сейчас, пока Никита не успел подойти, дать дёру в дом и закрыться на все замки, чтобы лишний раз не любоваться мор-

дой предателя?

С другой стороны, убежать от Астахова младшего – оказывать ему много чести. Да и потом, на предстоящие выходные мы соседи, так что физиономия экс жениха в любом случае периодически будет всплывать на горизонте.

– Привет, – когда уже вытянула из багажника сумку, совсем близко раздался голос Никиты.

Раньше мне его мягкий тембр, даже нравился, а сейчас аж передёрнуло. Он звучит мягко не потому, что сердечный с широкой душой человек, а потому, что бесхребетный червяк.

Как-то странно Никита на меня смотрит, особенно с учётом, что я ему в прошлую встречу намеренно подмочила штаны в районе ширинки. Таращится так, словно я голодный бездомный щенок с пораненной лапой, а он прохожий, специально прихвативший с собой кусок колбасы, чтобы накормить какую-нибудь дворнягу.

– Привет, – как можно безразличней отозвалась я и, подняв выдвигающуюся ручку чемодана, прямым ходом устремилась в коттедж.

– Лиза, я окончательное принял решение, обратно уже ничего не вернуть, – долетело мне в спину.

Обречённо закатила глаза, но, тем не менее, остановилась и обернулась.

– Ты вообще о чём? Что за бессвязный поток слов? Изъясняйся конкретней.

Никита меня догнал и опять у него на лице жалостливая гримаса.

– Признайся, ты же сюда приехала ради меня и коттедж выбрала специально соседний. Лиза, отпусти прошлое и живи дальше. Знаю, это нелегко, я же не бесчувственный, самому порой так тошно, но надо себя пересилить и перестать плакать, не заикливаться на воспоминаниях, не фантазировать, а как бы оно у нас было...

Тупость, наглость и безмерная необоснованная самоуверенность всегда ввергали меня в ступор, и этот случай не стал исключением. Зависла и даже не знаю, что сказать.

– Лиза, ну чего молчишь?

– Думаю, опять послать тебя в жопу или на этот раз всё же сдержаться? – на полном серьёзе ответила я. – Никит, вот смотри, поясняю на пальцах, как именно я к тебе отношусь. Представь бочку с нечистотами, большую и зловонную, помимо того, что её набрали из выгребной отхожей ямы, она ещё неделю на солнце настаивалась. Вот ты для меня эта самая бочка. Понятно?!

Сочувствие в глазах Никиты мигом сменилось на возмущение.

– Да катись ты к чёрту. Я с ней по-человечески хотел поговорить, а она сравнила меня с дерьмом. В общем так, ко мне даже не приближайся, будешь преследовать, приму меры.

Щурюсь и при этом ещё часто моргаю, потому как бывший жених, мало того, что ересь несёт, он ещё мне в лицо

тычет пальцем, того и гляди выколет глаз.

– Вообще-то, когда я тебя увидела и здороваться не соби-
ралась, но ты зачем-то подошёл.

– Да с тобой же невозможно разговаривать. Больше даже
не смотри в мою сторону. Истеричка, – прошипел бывший и
засеменил восвояси.

При случае надо будет обязательно Громова поблагода-
рить, это ведь его стараниями, наша свадьба с Никитой рас-
строилась.

Глава 9

Глеб

– А почему мы стоим именно здесь, на отшибе, может, вон туда пойдём к столу? – Ника даже на носочки привстала, кивая в сторону большой компании людей.

– Нет, – без объяснений отрезал я.

Торчать, как выразилась Ника, на отшибе – необходимость, с этого ракурса отлично просматривается вход в ресторан, Никольский с женой и младшей дочерью уже как полчаса здесь, а вот Лиза задерживается. Пока она не появится, с места не сдвинусь, ну а дальше передвижения по обстоятельствам.

Покосился на своё сопровождение и в который раз пожалел, что взял с собой.

Предполагалось, компания Ники скрасит моё пребывание в клубе и заодно снимет напряжение от присутствия Елизаветы, но на деле она только мешает и раздражает. И девушка в этом не виновата, она и сейчас повела себя правильно, мается от скуки, а, может, и вовсе от голода, не зря же просила к столу, но молчит, не возмущается, разве что только губы недовольно поджала.

Проблема во мне. Если девушка находится рядом дольше, чем час в день, меня в принципе это не устраивает. И Ника, увы, не стала исключением, хотя она неглупая, умеет себя

подать и полностью в моём вкусе, нежная внешность, едва достаёт мне до плеча, длинные светлые волосы.

Вот на этом моменте сам над собой посмеялся...

А ведь когда-то мне было совершенно плевать, какой у девушки цвет волос, рост, худышка или же с формами, главное, чтобы глаз радовала, а после Лизы, как заклинило. Только блондинки, только миниатюрные, и чтобы обязательно с огромными голубыми глазами.... Не надо быть психологом, чтобы поставить диагноз, какой-то проводок в моей голове перегорел и все мои женщины лишь суррогаты Елизаветы.

От горстки гостей, куда так рвалась Ника, отделился Суслон и направился напрямик к нам. Дмитрий относится к той категории людей против общества которых ничего не имею. Он примерно моего возраста, человек слова и дела, и хоть одна из крупнейших компаний по грузоперевозкам досталась ему от отца, бизнес он, как многие другие отпрыски богатых семей, не похерил, а наоборот вывел на более качественный передовой уровень.

– Встречаете кого-то? – пожимая мне руку, Дмитрий в отличие от Ники, сразу сообразил, что стоим мы здесь неспроста.

– Не совсем, – уклонился я от ответа, представил Дмитрию Нику и у нас завязался сугубо деловой разговор.

– Глеб, я ненадолго отойду, – выждав в нашем с Суслон диалоге подходящую паузу, предупредила Ника и, демонстрируя модельную походку, всё-таки отправилась к сто-

лу.

– Симпатичная, – проводил Дмитрий девушку взглядом. –
Впрочем, у тебя других и не бывает. Жениться не хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.